

НОВОЕ ВРЕМЯ

Зачем России
охранять
чужие
границы?

46

ноябрь 1992

Фронт
спасения.
Еще не вооружен,
но уже опасен

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

MEDIAN

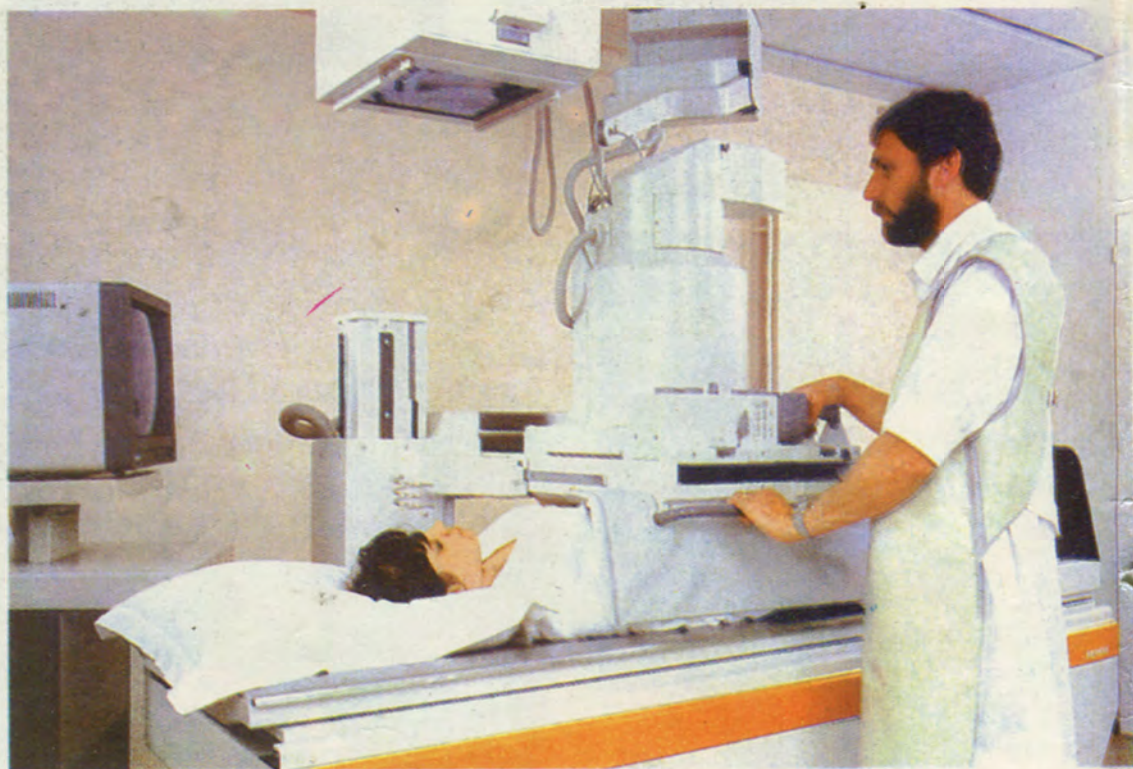
Поставка и приобретение импортного и отечественного медицинского оборудования за рубли и СКВ

*Современные способы диагностики
и лечения заболеваний на базе НИИ
трансплантологии и искусственных
органов с госпитализацией в лучших
клиниках г. Москвы.*

*Заключение договоров с предпри-
ятиями и организациями на комплекс-
ное медицинское обслуживание.*

Наш адрес:
123436
г. Москва,
ул. Щукинская,
дом 1, НИИ
трансплан-
тологии и
искусствен-
ных органов.
Тел./факс (095)
190-52-15.

Представительство
на ВДНХ:
павильон
«Здоровье».

MEDIAN

Читайте в этом номере:

В РОССИИ И РЯДОМ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ М. Шакина ГРЯДЕТ ЛИ «ГРАЖДАНСКИЙ СОЮЗ»?	4
ГОРЯЧАЯ ТОЧКА Г. Ковальская, М. Шакина ВОЙНА БЕЗ ПОБЕДЫ И ПОБЕДИТЕЛЕЙ	6
АЗЕРБАЙДЖАН А. Муталибов БОЛЬШАЯ КАВКАЗСКАЯ СМУТА	8
ПОЛЕМИКА Д. Тренин, В. Макаренко РОССИЯ – СТРАНА БЕЗ ГРАНИЦ?	11
ЭССЕ Ю. Фурманов СОВЕТОВАТЬ МОЖНО, СЛУЖИТЬ НЕЛЬЗЯ	14

МИР

США Е. Русаков ПРЕЗИДЕНТ, КОТОРЫЙ САМ СЕБЯ СДЕЛАЛ	16
IN MEMORIAM А. Дидусенко ЧЕЛОВЕК ИЗ «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ»	20
Д. Згерский Я, ДУБЧЕК И МИНИСТР ФЕЙСАЛ В 1968 ГОДУ	21
БЛИЖНИЙ ВОСТОК Д. Згерский ПАСМУРНЫЕ ВЫСОТЫ	22
РЕКЛАМНАЯ ВКЛАДКА	25–40
СУДЬБЫ А. Ковригин ОДИССЕЯ М.О.	41

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

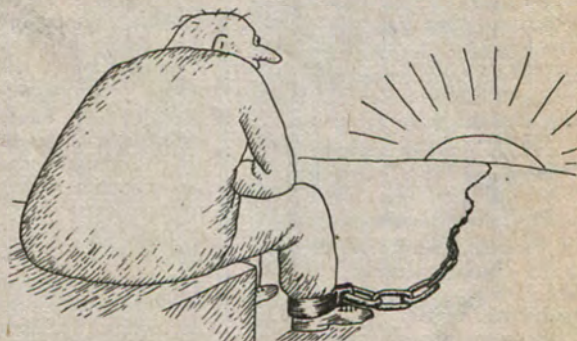
ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ П. Никулин СЕКРЕТ СТАРОЙ ШИНЕЛИ	44
РАССЛЕДОВАНИЕ «НОВОГО ВРЕМЕНИ» Л. Елин БЕРИЕВСКАЯ ПРЕМИЯ – ПАЛАЧУ	48
ТЕРРОРИЗМ Л. Млечин КРЫСЫ НА ЧЕРДАКЕ (окончание)	49
НРАВЫ В. Басков ВРАГИ НАШИ МЕНЬШИЕ...	52
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ Б. Вышеславцев ВЛАСТЬ, ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ	56
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА Т. Иванова СТАКАН В ОКОШКЕ	59
МЕМУАРЫ Т. Крайтон РУССКИЕ В ШАНХАЕ	62
МИСТИКА А. Винокуров ВОЙНА ЧАРОДЕЯМ	64
ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)	

Обложка Виктора Бреля

Номер сдан в печать 10 ноября 1992 года

Президент, который сам себя сделал. В ближайшие четыре года музыку в Соединенных Штатах будет заказывать Билл Клинтон Стр.16

Ученого, который поведал миру постыдные тайны химического ведомства, пока выпустили из Лефортова. Но министерство безопасности намерено вернуть его за решетку. Манья секрета обходится стране в 40–60 миллиардов рублей Стр.44

Главный редактор

**Александр
ПУМЯНСКИЙ**

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧАН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме, Токио

**Учредитель –
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

**Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 100000.
Заказ №4463.**

**Цена по подписке – 59 коп.,
в розницу – 2 руб.**

© «Новое время»

ПОЧТА

■ Когда в Россию приезжал директор ЦРУ Роберт Гейтс, его бывший коллега Леонид Шебаршин, который до августовского путча возглавлял советскую разведку, заявил, что «Гейтс приехал в Москву, чтобы познакомиться с результатами своей работы».

Буш на съезде своей партии, добавил Шебаршин, сам признал, что, «если бы не усилия президентов-республиканцев, СССР до сих пор оставался бы могучей сверхдержавой. Эти усилия по развалу СССР направлялись и координировались ЦРУ».

Бывший генерал-лейтенант КГБ лукавит. Или, что еще хуже для разведчика, плохо информирован?

Вот что действительно говорил Буш товарищам по партии: «Падение коммунизма вовсе не было предопределено. Сыграла свою роль твердая позиция президентов от обеих партий. В том числе президентов-ре-

спубликанцев – Ричарда Никсона, Джеральда Форда, Рональда Рейгана. Если бы не их проницательность и не поддержка американского народа, Советский Союз и сегодня оставался бы могучей сверхдержавой, а над нами все еще висела ядерная угроза».

Разве Буш говорит о том, что США с помощью ЦРУ сокрушили великий Советский Союз, оказавшийся таким слабым? Как бы ни хотелось ему накануне выборов продемонстрировать свои заслуги перед американским народом, соврать он бы не рискнул. Буш говорит всего лишь о том, что президенты-республиканцы жестко противостояли советским коммунистическим лидерам.

Это бывший начальник Шебаршина Владимир Крючков, бывало, пугал советских людей рассказами о том, что всем дирижирует ЦРУ. Но Крючков занимался политикой, готовил государствен-

ный переворот. А Шебаршин все-таки профессиональный разведчик, в которых обычно ценят компетентность и способность к анализу. Хотя ведь Шебаршин отвергнутый разведчик, профессионал, чьи услуги пренебрегли...

И. Корятина
Москва

■ В полемике Ксении Мяло и Валерия Тишкова «Нация – то же племя, но только с армией» (№35/92) я целиком на стороне последнего: его аргументы представляются мне весьма убедительными и современными. Что же касается позиций, которые отстаивает К. Мяло, то в них за версту видна унылая «советскость». Мяло призывает, например, согласиться с тезисом: «Границы пишутся чернилами, а переписываются всегда кровью». Но, во-первых, большинство границ в мире было установлено именно кровью. Во-вторых,

Зачем нам дорога, которая ведет в Рим?

■ Большевицкая пропаганда внушала народу идею всемирно-исторической роли первого социалистического государства, ядром которого была объявлена Россия. Эта идея органично наложилась на имперскую православную теорию, закрепляющую за Россией миссионерскую роль «Третьего Рима».

Рухнула большевицкая диктатура и вместе с ней вера в миссию первого социалистического государства. Но свято место пусто не бывает. И вот все громче звучат в устах национал-патриотов рассуждения об особой духовности и исторической миссии России, о непохожем на другие пути ее развития, в чем якобы и заключается великий смысл «русской идеи».

Осуждают Петра I за то, что он насильственно приобщал Россию к ценностям западной цивилизации, повернув ее на чуждый путь развития. Но в том-то и парадокс, что Петр вовсе не стремился цивилизовать Россию на европейский манер. Он был прагматиком: сверхзадачу видел в том, чтобы, используя научно-технические достижения европейской цивилизации, создать мощное милитаристско-полицейское государство, которое было бы в состоянии осуществить идею «Третьего Рима». С этих позиций Петр поощрял развитие экономики, образования, культуры. Этим идеям он подчинил жизнь всех сословий России, даже дворянства. Но именно дворянство как высшее, привилегированное сословие приобщалось к достижениям Запада, что и пробудило в нем стремление к политической свободе.

Другие же сословия царизм старался дер-

жать вдали от ценностей европейской цивилизации. Свободные личности российскому самодержавию были не только не нужны, но и представлялись ему опасными, поскольку могли усомниться в целесообразности самодержавно-царских амбиций, а значит, и отказались бы от идеи «Третьего Рима». И противоречия между европеизирующимся дворянством (потом буржуазией) и громадной массой простого народа все более углублялись. В результате несовместимость их интересов оказалась так велика, что революционный взрыв 1917 года смел начатки европейской цивилизованности, первые ростки демократии и привел к диктатуре. Большевики оказались еще большими самодержавно-имперскими политиками, чем царские.

Но русскому и другим народам пришлось заплатить за эти большевицкие успехи страшную цену.

Драматическая история нашего Отечества наглядно показала, какие неимоверные страдания несет народу следование за утопической идеей «особенной стати России» – будь то теория «Третьего Рима» или идея мировой революции. Поэтому суть «русской идеи» должна заключаться не в оживлении великодержавных амбиций, а в строительстве цивилизованного, правового, процветающего государства, где каждый может ощущать себя как неповторимую индивидуальность.

В. Палабугин,
преподаватель Елецкого педагогического
института
Липецкая область

Страдания отвергнутого разведчика

Баран от Юхана

Два больше, чем один, но не обязательно лучше

примеры мирного воссоединения Германии, Йемена говорят о том, что можно изменить и даже ликвидировать границы и без крови. Почему Мяло только за Россией признает право на «совершение огромной работы по собиранию, удержанию и защите государства»? И ставит под сомнение правомерность такой работы (или задачи) для правительств Молдовы, Грузии и других государств.

Нельзя абсолютизировать тезис о праве наций на самоопределение, вернее, доводить его до абсурда, утверждая, что «один этнос — обязательно одно государство». Гораздо убедительнее слова Тишкова о «татарстанцах» (а не о «татарах»), о «россиянах» (а не о «русских»). Мы ведь говорим «американцы», хотя среди них есть выходцы из самых разных стран. Мы говорим «американец японского происхождения» — это звучит привычнее (пока), чем «россиянин татарского происхождения» или «украинец российского происхождения».

Нельзя и подменять право

наций на самоопределение правом национальных меньшинств на национально-культурную автономию (и только на автономию!). Прав Тишков, утверждая, что государства (нации) легче терпят своих граждан, чем территорию. Поэтому усилия русских в Латвии или поляков в Литве, украинцев в Казахстане должны быть ориентированы на то, чтобы стать полноценными гражданами соответствующих стран, с уважением относящихся к действующим в этих странах законам. А борьбу с дискриминационными законами надо вести исключительно цивилизованными методами, законным путем. Президент Молдовы — пре-

зидент всех граждан Молдовы, как с правого, так и с левого берега Днестра!!!

Не надо доводить до абсурда и принцип «нерушимости границ». Они могут изменяться в соответствии с международным правом мирным путем и по договоренности. Границы всегда менялись и будут меняться вследствие тенденций к интеграции, дезинтеграции. Была Объединенная Арабская Республика, стали Египет и Сирия, были два Йемена, стал один, был СССР — появились независимые государства, были ГДР и ФРГ — они воссоединились в единую Германию. Границы не могут быть вечными, со временем они повсюду станут прозрачными.

Просто не надо торопить естественный ход истории.

В. Кузьмин,
кандидат исторических наук
Екатеринбург

■ Эстонию знаю не по учебникам. Долго жил там, на острове Саарема у меня родился сын. Будучи военным, квартировал в деревне Кориды у кузнеца Юхана и его жены Надежды. Мы так подружились, что на день рождения Юхан подарил моей жене освеженного барана...

Судя по сообщениям газет и телевидения, в Эстонии идет потасовка политиков, желающих потихоньку изжить русских. Значит, если бы я не уехал, то и моей семье пришлось бы пережить такое унижение?

Дорогие мои эстонцы, я вас люблю и уважаю за ваши трудолюбие, нежность, честность, готовность помочь ближнему. Вас роднит с нами то, что мы сделали в прошлом, вложив столько труда в эстонскую землю. Не обижайте друг друга, живите мирно, не повторяйте ошибки других. Поверьте, с годами все перемелется. Переживем и нынешние беды!

Павел Барабанов
Ивановская область

Подборку
подготовила
Т. Чернова

Я ТАК ВИЖУ

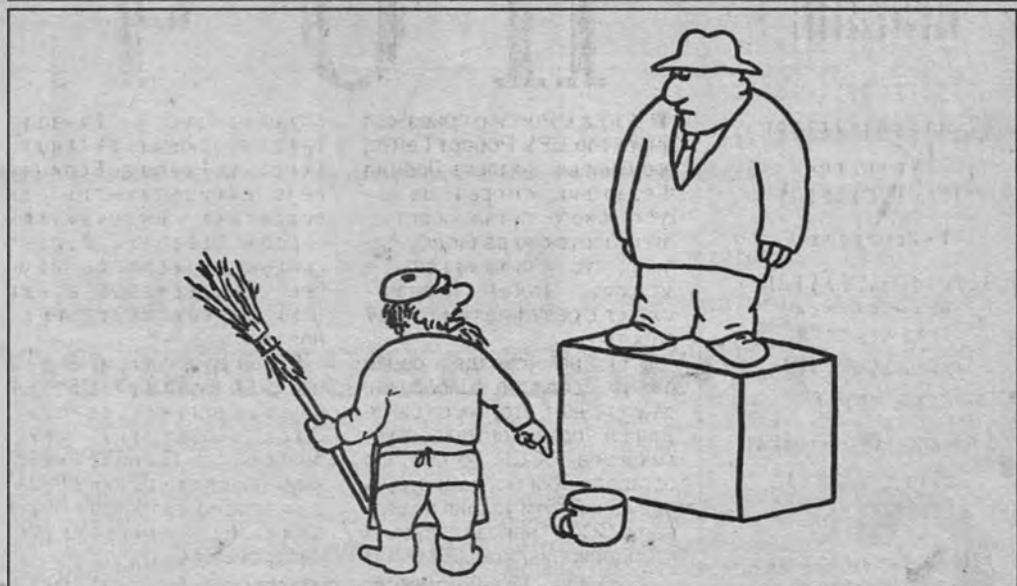

Рисунок Марата Таурова

Одухотворенные лица властолюбцев

■ Получил № 41/92 г., всмотрелся в «одухотворенные» лица «опозиции» и стало не по себе. Я представил на минуту, что обладатели этих лиц, не дай Бог, придут к власти. Это же настоящие «паханы». Для них важна власть, и только власть. Власть любой ценой: ценой голода и крови, массовых репрессий и демагогических атрибутов фашизма-коммунизма. И вот обладатели этих «одухотворенных» лиц становятся за главе Фронта национального спасения России. Хотят спасти Россию, народ. От кого? Кто их уполномочивал? Я и моя семья их об этом не просили. Мы верим президенту, надеемся на правительство. Нормальный, здравомыслящий человек не пойдет на сходки людей, «одухотворенных» идеей возврата к той системе, от которой мы с такими муками стараемся освободиться. Та система была близка НКВДэшникам, вертухам из ГУЛАГовских лагерей и люмпенизированной среде, которые и составляют основную массу

любителей послушать «одухотворенных» жириновских, анпиловых, макашовых, зюгановых. Еще можно понять тех борцов за коммунизм, которые во времена своей молодости вершили судьбами миллионов граждан. Но трудно удержаться от вопроса к молодым, одетым в черную униформу: вы знаете историю? Прочтите о том, что стало с теми, кто помогал большевикам в 1917 году! Где они? Какая участь постигла штурмовиков в коричневых рубашках во главе с Ремом? Помните, коммунисты и фашисты не любят делить власть. Ради единоличной власти они не остановятся ни перед чем.

Не случайно после взгляда на эти лица становится не по себе. Не зря коммунистическая власть запретила теорию Ломброзо. Пахан, и есть пахан. На любой должности.

Альберт Галесев,
старший преподаватель РГТМ
Санкт-Петербург

Грядет ли «Гражданский союз»?

Марина Шакина

Самая волнующая в преддверии съезда тема — политический компромисс. Подразумевается под ним то, что Ельцин допустит в правительство еще несколько чужеродных команд Гайдара министров, сторонников иных экономических и политических доктрин.

Гайдар говорит о возможном создании коалиционного правительства. Ельцин проводит консультации с разными политическими блоками — с «Гражданским союзом», «Коалицией в поддержку реформ». На стол переговоров выкладываются списки «теневых кабинетов», отмечены первые попытки торга.

То правительство хуже, где нас нет

Есть ли у нас вообще политические силы? Многопартийность была разрешена еще в

Политический компромисс обретает у нас форму торга за должности

период перестройки при Горбачеве. Но разрешения оказалось недостаточно — для создания партий требуется, как видно, еще что-то. Во всяком случае, после отмены шестой статьи в Конституции СССР прошло два года, а партии по-прежнему пребывают в зачаточном состоянии.

Относительно крупных партий — от силы две, известных — еще меньше, влиятельных — ни одной.

Господствующие политические настроения в целом отражают как бы три блока, в каждом из которых состоят движения, фракции, профсоюзы, организации предпринимателей и коммерсантов, просто отдельные политики. В общем, каждый из блоков — пестрый конгломерат. И каждый из блоков — не объединение политических сил, не выразитель политических идей, а некое обозначение, символ, флажок, вокруг которого вольно группируются люди с политическими амбициями.

Эти блоки — демократы из «Коалиции в поддержку реформ», поддерживающие

7 ноября 1992 года. На этой демонстрации портреты Брежнева впервые соседствуют с портретами Сталина. Коммунисты вспоминали, что при Ильиче водка стоила 3 руб. 62 коп.

президента и Егора Гайдара, центристы из «Гражданского союза», относящиеся к курсу правительства критически, и то, что ныне именуется Фронтом национального спасения — национал-коммунисты, заседающие под двумя знаменами — трехцветным монархическим флагом и серпасто-молоткастым стягом СССР.

Судить о том, какой из блоков пользуется поддержкой в народе, сегодня затруднительно. Впечатление приходится составлять, ориентируясь на крикливость, саморекламу, активность каждого блока и на некоторые косвенные признаки — солидность, интеллектуальный багаж и политический опыт лидеров.

Кого они представляют? Даже у них самих вряд ли есть об этом ясное представление — больше претензий и напускания туману. Считается, что «Гражданский союз» защищает интересы директоров. Но есть сведения, что настроения директорской массы и тезисы Вольского-Владиславлева — это разные вещи.

Национал-коммунисты, склонные к патетике и демагогии, утверждают, что за ними — миллионы, но опять-таки предлагают поверить им на слово.

Бродят слухи о гибели «Демроссии», но действительно ли исчерпаны все резервы демократической идеи в России — большой вопрос.

Единственное, о чем могли бы сегодня договориться все три блока, если бы вели настоящую политическую борьбу, а не схватку под ковром, — это о дате новых парламентских выборов. Только выборы могут дать достоверную картину умонастроений избирателей. Съезд избирался еще под властью КПСС, еще в СССР, еще до реформы, еще по горбачевской хитроумной и одновременно беспотолковой формуле — ясно, что сегодня эти депутаты, скорее всего, не представляют уже никого.

Почему законно избранный президент России должен заключать компромисс именно с «Гражданским союзом»? Какие есть для этого основания кроме смутного ощущения, что, очевидно, директорская партия знает настроения своих рабочих на предприятиях и контролирует там ситуацию?

А недавно генерал Стерлигов, не пожелавший затеряться в толпе лидеров Фронта национального спасения, передумал и сказал, что, пожалуй, не будет выступать против Ельцина, если тот прогонит нынешнее правительство и посоветуется с ним, со Стерлиговым, из кого сформировать новый кабинет.

Короче говоря, все так называемые политические силы исповедуют одну веру: то правительство хуже, в котором нас нет...

Торг здесь неуместен?

Компромисс у нас, судя по всему, обретет форму политической торговли — голова за голову. После совещания с деятелями «Гражданского союза» Ельцин заявил, что был пора-

Галина Старовойтова. С ней поступили не слишком галантно

Сергей Шахрай. Президент скликает свою

жен их кадровыми аппетитами. Пока президент утверждает, что не будет вступать в торги. В конце концов он вовсе не обязан считаться с лидерами и блоками, представляющими, по сути, лишь самих себя.

Последние перемены, которые произвел Ельцин в правительстве и в своем аппарате в преддверии съезда, свидетельствуют о том, что он находится в некотором смятении.

Поддал в отставку председатель Государственного комитета по национальной политике Валерий Тишков. Он пришел на эту должность из академического института, чтобы сделать компетентную национальную политику приоритетом в государственных делах.

Специалист высочайшего класса, он пробыв на этом посту недолго. Утверждается, что он оказался плохим администратором.

Уже после своей отставки Тишков сказал в частной беседе, что ушел потому, что не может выполнять законы, которые, он убежден, только усугубляют межнациональную напряженность в стране.

Не слишком продуманным, например, признают сегодня специалисты закон о реабилитации репрессированных народов, указ о казачестве.

Через короткое время внезапно была освобождена от обязанности советника президента России по вопросам межнациональных отношений Галина Старовойтова. Старовойтова в последнее время была больше популярна и любима за рубежом, чем в родном отечестве. Внутри России противоречивую известность ей принесла активная деятельность в пользу армян Карабаха, отстаивание их права на самоопределение. Это понятно — на Съезде народных депутатов СССР она представляла Армению.

Кроме того, Галина Васильевна была лидером московских демократов — одним из самых радикальных. Появление ее еще в пору российских выборов рядом с Ельциным воспринималось как естественное. Она была фигурой заметной и в ту пору работала на авторитет Ельцина.

Влияние Старовойтовой на Ельцина в последнее время, судя по всему, было нулевым. Она, как и про-

чие советники, оставалась советницей лишь номинально. И все же освобождение от должности стало для нее полной неожиданностью — без объяснений, без предупреждения, без собеседований. Президент поступил не слишком галантно.

Одно время в столице распространились слухи, что Старовойтову прочат в военные министры. Она эти утверждения не отрицала, позволяла себе резкие высказывания в адрес ВПК, за что, очевидно, ныне и поплатилась должностью.

Возвращение в министры

Сенсацией прошедшей недели стало возвращение Сергея Шахрая. Он снова из простого депутата стал вице-премьером и, кроме того, принял оставленное Тишковым ведомство. Не более полугода назад он уже был и заметителем Ельцина по правительству, и даже одно время курировал бесхозную тогда национальную политику.

Сергей Шахрай издавна принадлежал к числу самых доверенных лиц президента еще в пору, когда Ельцин был председателем Верховного Совета России.

Толковый, образованный юрист вызвал стойкую неприязнь депутатского корпуса, продолжает вызывать и сейчас — прямо-таки удивительно, до чего наш парламент не выносит умных людей!

Возвращение Шахрая, уже, кажется, «сосланного» навеки в Верховный Совет, говорит о том, что в кадровых вопросах Ельцин не слишком-то поддается нажиму своих оппонентов, как, впрочем, и соратников.

Шахрай как руководитель Государственно-правового управления президента не раз критиковался за небрежно подготовленные указы, за их низкий юридический уровень. Было бы неразумно отрицать, что и у Шахрая бывали просчеты. Достаточно упомянуть указ о введении чрезвычайного положения в Чечне, порочный не столько с юридической, сколько с политической точки зрения.

И все же Шахрай — преданный президенту, способный и умелый функционер, которых рядом с Ельциным всегда было не так много.

Сегодня, должно быть, уже поздно рассуждать, нужен или нет компромисс между Ельциным и съездом, между правительством и «Гражданским союзом». Компромисс — пусть и мнимый, ненастоящий — будет заключен, иначе выход из тупика видится только в новых парламентских выборах. А выборов, которые расставили бы все точки над «и» и показали бы каждой партии, движению, фронту, чего они стоят, не хочет никто. И в первую очередь съезд и народные депутаты.

Поэтому и компромисс мы будем иметь, достойный нашего парламента, — на ключевые посты в правительстве заступят новые личности. В этом-то и состоит вся цель и вся соль.

Раньше это было домом — осетинским? ингушским? Теперь здесь руины

Война без победы и победителей

В Пригородном районе может начаться вторая Кавказская война. Стоит ли в ней участвовать России?

*Галина Ковальская,
Марина Шакина*

Бурный взрыв на границе Осетии и Ингушетии, оказавшийся рекордным по количеству жертв в единицу времени, неожиданным не был. Еще весной 1991-го ингушские старики откровенно говорили, что только своим авторитетом сдерживают рвущуюся в бой за Пригородный район молодежь.

Закон — провокатор?

О том, что статья закона о реабилитации репрессированных народов, предусматривающая их возвращение в границы 1944 года, была ошиб-

кой, пишут и российские, и, конечно, осетинские газеты. Георгий Хижа, представлявший в регионе российское правительство, делал заявления, фактически дезавуирующие идею территориальной реабилитации.

Однако проблема Пригородного района родилась не в 1991 году, с принятием закона, а в 1957-м, когда при восстановлении Чечено-Ингушской республики ее границы были изменены. Пригородный район, в котором проживало к 1944 году около 60 процентов всех ингушей, был оставлен в составе Северной Осетии. Никакого здравого объяснения такому решению не давалось — и вот в ингушской среде, оскорбленной и негодующей, родился миф о каких-то специфиче-

ских осетинских способностях к интригам и политическим козням.

С тех пор сменилось поколение. Ингушские дети растут с сознанием, что на их земле живут захватчики-осетины. С годами взаимное озлобление не смягчалось — обострялось. Вымирали понемногу те ингушские и осетинские старики, которые еще помнили, что ни вражды, ни территориальных споров между двумя народами не было до высылки одного из них. На их место приходили другие — те, кто вел счет обидам: одного осетин не пустил в его собственный дом, да еще добавил, мол, правильно с вами Сталин поступил; другого вернувшийся из ссылки ингуш силой заставил покинуть жилище... И в 70-е, и в 80-е годы осетины и ингуши знали: рано или поздно за район вспыхнет война.

Закон о реабилитированных народах сыграл здесь двоякую роль. С одной стороны, борьба ингушей была введена как бы в политико-правовое русло: появились организации, открыто требующие вернуть Пригородный район, притом они представлялись не мятежниками, а поборниками закона, принятого почти единогласно Верховным Советом России. С другой стороны, при-

ятие закона придало всему народу уверенность, что вопрос будет решен в самое ближайшее время и «сверху», то есть из России. Это предопределило и исключительно высокий рейтинг Ельцина на президентских выборах в ингушских районах, и нежелание ингушей поддерживать «своих братьев» (так ингуши и чеченцы неизменно, даже при взаимном раздражении, называют друг друга) во время известного чеченского кризиса.

Хижа стоит Руцкого

Однако время шло, но ничто не менялось. Среди ингушских политических лидеров стали слышны голоса тех, кто, подобно лидеру партии «Нийсхо» («Справедливость») Исе Кодзоеву, утверждал, что надеяться на Россию не стоит, что российское руководство обмануло ингушей в погоне за предвыборной поддержкой, а решать территориальные споры с осетинами ингушам предстоит самим, с помощью братьев-чеченцев. Вместе с тем наиболее влиятельной силой до недавнего времени оставался Народный совет Ингушетии под руководством вполне умеренного и пророссийски настроенного Бексултана Сейнароева. Сильнейшим образом подорвало надежды на Россию решение вести до 1995 года мораторий на территориальные споры.

Нерешительность Москвы в данном случае более чем понятна. Но если уж говорить о провокации, то не сам закон, а последовавшее за ним полное бездействие, нарушившееся порой решительными и взаимоисключающими заявлениями отдельных представителей высшей власти, сыграло свою провоцирующую роль. К примеру, на втором съезде ингушского народа Александр Руцкой во всеуслышание заявлял, что вопрос о возвращении ингушам Пригородного района он берет на себя и решит его в самое ближайшее время. Он выражал личное мнение, как и Георгий Хижа, известный декларациями противоположного толка. Но и тот и другой воспринимаются в регионе как выразители позиции российского руководства, и несовпадение их взглядов легко может быть интерпретировано как проявление коварства и свидетельство «имперских тайных интересов».

Сейчас трудно говорить, какого рода действия могли бы предотвратить попытку силового решения. Но еще полтора года назад демократически настроенная осетинская интеллигенция предупреждала, что необходимо вплотную заняться рассмотрением конкретных претензий ингушей по возвращению им домов по праву наследования. Часть из них ингушам удалось выкупить у осетин, несмотря на препоны, чинимые

осетинскими властями. На территории Пригородного района оставалось еще около двухсот спорных зданий. Реальная деятельность по возвращению их законным хозяевам (с полной компенсацией нынешним владельцам) не сняла бы проблему, но могла бы смягчить ее. По крайней мере для ингушей такая работа была бы свидетельством доброй воли России.

Сегодня в Пригородном районе не оставлено камня на камне. Дома ингушей, те самые дома дедов и отцов, ради которых они готовы были идти на смерть, лежат в руинах. По сведениям с ингушской стороны, в зоне конфликта, отсеченной от границы с Ингушетией танками российских войск, нет ни одного живого мужчины — все погибли... Чего добились те, кто затевал эту войну?

Все началось с того, что во время боевых учений, проходивших в Пригородном районе, были случайно (а ингуши убеждены, что не случайно) задавлены два человека, из них одна двенадцатилетняя девочка. Ингуши объясняют, что в ответ вспыхнул стихийный протест — ведь оружие на Кавказе есть у каждого мужчины. Никто из ингушских лидеров, ни Кодзоев, ни тем более Сейнароев или представитель президента в Ингушетии Иса Костоев, не берут на себя ответственность за начало военных действий.

Осетинская же сторона настаивает, что наступление было подготовлено. Порой опять-таки звучат намеки, что боевые действия были негласно одобрены из Москвы. В подтверждение приводятся свидетельства редкой организованности вооруженного наступления.

Если отбросить обычные в таких случаях попытки увидеть во всем и вся «руку Москвы», остается все же сильное сомнение в том, что неподготовленные жители района могли бы через какую-то пару часов вести бои на подступах к Владикавказу.

Чужая война?

Верховный Совет Северной Осетии едва одобрил чрезвычайное положение, введенное Борисом Ельциным, перевесом в несколько голосов. Противники чрезвычайного положения отмечали, что его введение «из Москвы» ущемляет суверенитет республики.

Сегодня осетинская сторона упрекает российские войска в недостаточной решительности: дескать, фактически район был очищен осетинами, поспешившими из Южной Осетии, а роль российских подразделений выразилась прежде всего в том, что они не дали осетинским формированиям пересечь границу с Ингушетией. Тут же возник вопрос о создании своих, североосетинских, армейских формирований.

Ингуши же, напротив, обвиняют русских в несоразмерности боевых действий размерам реальной опасности. Пресечь наступление плохо вооруженных ингушей, говорят они, можно было и не разрушая дотла ингушские деревни.

По-видимому, Москва действительно допустила некоторые просчеты. К примеру, незачем было посылать в качестве представителя президента человека, уже обозначившего к тому моменту свою позицию как заведомо проосетинскую. Тем более не следовало ему избирать себе одну резиденцию — Владикавказ, на Кавказе таким вещам придается огромное значение. И все же, если разоборать сегодня действия президента России, то надо признать, что не может и не должен глава исполнительной власти наблюдать, как на территории страны идет кровопролитие. По конституции он обязан защищать безопасность граждан против вооруженных мятежников, какой бы национальности они ни были. Жесткие меры всегда страшны по своим последствиям и приемлемы только в самом крайнем случае, когда бездействие еще опаснее. Этот случай был именно таким.

Сейчас бои в Пригородном районе прекратились. Однако и ингуши, и осетины дают понять, что это не конец. У ингушей сильны традиции кровной мести, предполагающие, что родственник не просто имеет право — обязан мстить за убитого родственника. Этот обычай, с одной стороны, позволяет народу достаточно долго удерживаться от насилия и даже оскорбления действиями. (Все, кто бывал среди ингушей, знают, что драки в ингушской среде значительно более редкое явление, чем, скажем, у живущих бок о бок с ними казаков.) Но, с другой стороны, пролитая кровь неизбежно порождает новую, и вражда может затянуться на много поколений.

На пресс-конференции в Москве вполне интеллигентный московский ингуш заявил, что осетинскому народу объявлена священная война. В таких условиях разоружить ту и другую стороны вряд ли удастся. Не исключена возможность затяжной диверсионной (или партизанской) войны в регионе. Как бы то ни было, ингуши не смиряются с потерей района, а с предложением переподчинить его России (прозвучавшим на днях из уст Сергея Филатова, первого заместителя председателя Верховного Совета России) не согласятся осетины.

Хорошо бы Россия решила для себя один вопрос — нужна ли ей вторая Кавказская война? Стоит ли губить там российских солдат, которым, прямо скажем, глубоко безразлично, кому будет принадлежать Пригородный район?

Автор статьи, бывший президент Азербайджана, в настоящее время объявлен в розыск. Прокуратура Азербайджана возбудила против него дело — Муталибова называют в числе главных виновников бакинской трагедии 1990 года.

Между тем искать его в Азербайджане бесполезно. Вот уже полгода он живет в России, что ни для кого не секрет. По сведениям «НВ» его вывезли из республики военно-транспортным самолетом российской авиации и поначалу поместили под охраной в Кунцевскую больницу «для начальства».

Статью в наш журнал экс-президент передал через посредников. Речь идет о перспективах карабахского кризиса. После ухода Муталибова никаких позитивных сдвигов здесь не произошло. Все попытки мирного урегулирования последовательно проваливались.

Что думает по этому поводу свергнутый президент Азербайджана?

Мы публикуем статью полностью. «НВ» не цензурирует свергнутых президентов.

Большая кавказская смута

Аяз Муталибов

Уже не на недели, не на месяцы, а на годы идет хронологический счет драмы в Азербайджане. Все это у меня перед глазами. И январские дни 1990 года, когда разразились трагические события в Баку, и предшествовавший им Сумгаит, и предшествовавшее Сумгаиту изгнание азербайджанцев из Армении, и превращение Нагорного Карабаха, земли мирного обитания и сотрудничества азербайджанцев и армян, в зону нескончаемых и ширящихся военных действий.

Может быть, придет время, должно прийти, когда историки и политологи из Баку и Еревана сообща разберутся, кто, когда, как взорвал мир между двумя народами, погрузил их в ад, где спят разум и добрая воля, а властвуют вражда, ненависть, националистические страсти и эгоистические политические расчеты. Правда эта будет обжигающая и, хочу верить, целительна.

Но сейчас самое важное, самое существенное — положить конец войне в Карабахе. Кто прав, кто виноват — рассудит история. Для меня просто нетерпимо ощущение, что люди в моей стране и в Армении свыклись, мирятся с этой бессмысленной войной, в которой нет и не может быть победителей.

Перескочить «через флажки»

Я не был в Азербайджане вот уже более полугода. В конце 1991-го был избран президентом республики. В марте 1992 года оставил этот высокий пост, — в мае 1992-го по настоянию Верховного Совета вернулся, а буквально через два-три дня вынужден был покинуть родину.

И в марте, и в мае я отчетливо видел и сознавал, что противостояние с оппозицией в любой день и час грозит взорвать и без того зыбкий гражданский мир, перерасти в хаотическое насилие с самыми тяжкими последствиями для моей страны. Оппозиция диалог отвергала. Все разногласия она предпочитала переносить на улицу. Принять такой образ действий,

**«Она плодит
безнравствен-
ных
политиков», —
считает
бывший
президент
Азербайджана**

Карабахскую войну стали забывать. А она не

отвечать по принципу «око за око, зуб за зуб» я не желал. Чтобы азербайджанцы убивали азербайджанцев, чтобы множилась вражда, чтобы щедрый, гостеприимный Азербайджан стал землей зла и ненависти для всех его жителей, а такая перспектива уже маячила, для меня было решительно неприемлемо.

Я не сгущаю краски. Вот маленькая иллюстрация. После бурного заседания Верховного Совета в ночь с 15 на 16 мая я отправился с президентской охраной в официальную загородную резиденцию неподалеку от Баку. В свете фар мы увидели, что ворота блокированы группой военных в форме национальной армии.

То, о чем я догадывался, получило подтверждение: черта переидена, исполнители воли оппозиции готовы на любые крайности.

Я избежал ловушки и благодарен всем, кто в те драматические часы оказался со мной и помог проскочить «через флажки». Начались дни, недели и месяцы вынужденной эмиграции. Тяжело? Да, конечно, тяжело. Но меньше всего хотел бы говорить о своих переживаниях или с несвойственным мне прокурорским пафосом обличать нынешних руководителей Азербайджана, независимость которого рождалась при мне, при моем участии.

Далеко я и от того, чтобы оправдывать каждое политическое или экономическое решение, которое принималось в пору, когда я был первым секретарем ЦК КП Азербайджана.

прекращается скоро пятый год...

жана, а затем президентом республики. Не сомневаясь, что какие-то возможности я и мои коллеги просмотрели, не смогли использовать полностью шансы нахождения разумных компромиссов внутри азербайджанского общества и с нашими соседями.

Должен напомнить, что моя биография связана с производством, с хозяйственной работой, а на пост руководителя партийной организации республики я был избран в январе 1990 года, когда после ввода в город частей Советской Армии Баку, весь Азербайджан

жан хоронил своих безвинных дочерей и сыновей.

Наш бывший общий дом

Я внимательно читаю сообщения о действиях, предпринимаемых в последние недели с разных сторон для того, чтобы утихомирить канонаду в Нагорном Карабахе, чтобы прекратить этот безумный пир смерти. Знаю, разумеется, об инициативе Нурсултана Назарбаева, о встречах в Минске и Риме, помню об усилиях Бориса Ельцина и пребывании в нашем горячем и горящем районе Андрея Козырева. Каков результат? На этот законный вопрос, увы, приходится отвечать одним словом — нулевой. Но уже и то благо, что Баку и Ереван теперь не исключают диалога, не отвергают с порога миротворческих усилий других стран, международных организаций.

Но ведь соседствует с этим внешним, а может быть и не внешним, впечатлением другая информация. Продолжающиеся бои в Нагорном Карабахе. Приобретение современной военной техники Арменией. Многомесячный тромб на железнодорожных путях, идущих через Азербайджан в Армению. Сей перечень можно было бы продолжать достаточно долго. Не будем обманывать себя и других: есть политические силы, которые заинтересованы в том, чтобы армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха не угасал. Эти политические силы существуют не только в нынешних соседних независимых государствах — Армении и Азербайджане, но и вне их.

Большая кавказская смута, а она стучится в дверь, если уже не ворвалась в наш бывший общий дом (вспомним Грузию), — большая беда для всех народов Кавказа, Закавказья, Прикавказья, беда для России и других молодых государств, образовавшихся после развала Советского Союза. Но давайте не закрывать глаза на жесткие и жестокие реальности: эта большая смута плодит безнравственных политиков и политиканов, создает простор для разного рода политических интриг, позволяет обогащаться большим и малым хищникам отечественного и иностранного происхождения.

Не в меру проникательный читатель может воскликнуть: «Ага, автор намекает на новые отношения, постепенно складывающиеся между закавказскими государствами и их соседями на юге — Турцией и Ираном». Ничего дурного в этих отношениях, коль они строятся на равноправной и взаимовыгодной основе, я не вижу. Более того, находясь на руководящих постах в Азербайджане, я сам активно работал над оздоровлением и развитием связей с нашими близкими и

не очень близкими соседями. Но не за счет традиционных широких отношений с Россией и другими странами, ныне охватываемыми СНГ. И соблюдая должную осмотрительность и твердость, которые необходимы, когда речь идет о государственных интересах республики.

Так же, как выбирают папу римского

Каковы варианты развития событий в Нагорном Карабахе и вокруг Нагорного Карабаха? Назову некоторые из них, в том числе и достаточно бредовые (но назвать их должно, чтобы яснее увидеть ситуацию).

Первый вариант. Чисто военное решение проблемы. Полномасштабная война между Азербайджаном и Арменией увенчивается победой одной из сторон, которая и диктует свои условия побежденным. Возможен такое? По-моему, нет. Ни Азербайджан не установит своего контроля над Арменией, ни Армения не в состоянии установить свой контроль над Азербайджаном. То есть этот вариант нереальный, но он как раз высвечивает бесперспективность продолжения военных операций в Нагорном Карабахе.

Второй вариант. И Армения, и Азербайджан, чтобы преодолеть патовую ситуацию в военном противостоянии, энергично ищут поддержки извне. Что-то подобное уже просматривается хотя бы в сообщениях о возможных поставках западной военной техники Армении. Что тогда? Практически это расширенный первый вариант, который ведет в никуда и никакого здорового преодоления конфликта не сулит.

Третий вариант. Продолжение до полного истощения Армении и Азербайджана нынешней «малой войны». Война из разряда многолетних средневековых, но на сей раз развязанная в канун третьего тысячелетия нашей эры вроде бы цивилизованными политиками и их советчиками, которые должны бы понимать, что они творят. К сожалению, этот вариант может осуществиться. Если события и дальше будут развиваться в этом русле, последствия могут оказаться тягчайшими. Запылает, загорится Закавказье, Кавказ.

Четвертый вариант. Ответственные политики и ответственные политические силы в Азербайджане и Армении — не истерики и кликуши, а патриоты обоих государств из всех слоев общества добиваются, чтобы конфликтующие стороны наконец-то основательно устали за стол переговоров. Азербайджанская и армянская интеллигенция возвышает свой голос в пользу взаимоприемлемого компромисса. Говоря условно, создается ситуация, сходная с условиями избрания папы рим-

Похороны стали обычным делом. Помнят ли об этом те, кто затевает новые национальные тяжбы?

ского. До тех пор, пока папа не избран, кардиналы не вправе покинуть помещение. Посреднические усилия приветствуются, но ключевая роль принадлежит Баку и Еревану (не вижу непреодолимых сложностей для участия в переговорах представителей Нагорного Карабаха). Этот вариант может сегодня показаться утопическим, но он единственно разумный.

Начинать же должно с формирования условий для достижения согласия. Первейшее из них — перемирие, прекращение огня. Если потребуются, а скорее всего потребуются, при соответствующем контроле нейтральных сил.

Но еще до достижения перемирия (хотелось бы, чтобы оно включало запрет не только на огневые залпы и бомбовые удары, но и запрет на пропагандистский огонь из всех калибров), по моему мнению, можно было бы с обеих сторон без формальных договоренностей осуществить шаги по созданию климата доброй воли.

О чем конкретно могла бы идти речь? Самое существенное — разблокирование транспортных артерий. Нельзя душить друг друга голодом и холодом.

Далее, стоило бы разрушить информационную блокаду вокруг Армении в Азербайджане и информационную блокаду вокруг Азербайджана в Армении.

Мне кажется, при всем нынешнем ожесточении полезно было бы провести неширокую встречу деятелей культуры, ученых двух стран со свободной повесткой дня под девизом «К согласию и миру!». Не сомневаюсь, что Москва или Санкт-Петербург

готовы будут оказать гостеприимство азербайджанцам и армянам, ищущим взаимопонимания.

А разве не вызвало бы сочувствия в Азербайджане честное и мужественное решение армянской стороны относительно прав азербайджанцев, насильно изгнанных из Армении. И сходное решение Баку. Понимаю, что практически все это можно будет воплощать в жизнь, когда наступит мир, когда обстановка полностью стабилизируется, да и тогда, хотим того или не хотим, вернуться в доконфликтные дни не удастся. Но добрая воля, заявленная с обеих сторон, поможет поискам политического урегулирования.

У меня, конечно, есть свои представления о том, каким могло бы быть рациональное политическое урегулирование. Но говорить об этом рано, хотя очевидно, что нахождение компромисса потребует уступчивости, отказа от территориальных претензий, что сделает границу между двумя государствами проницаемой и спокойной.

Роль для России

Но о чем считаю необходимым сказать особо — о роли России. Я был и остаюсь сторонником активного участия Азербайджана в Содружестве Независимых Государств. Да, СНГ выглядит рыхлым и шатким. Тем более необходимо помочь строительству этого Содружества. Нерасчетливо игнорировать и попирает реальности, а одна из таких реальностей, определяющих положение Азербайджана, — тесные разветвленные органические связи с Россией, да и многими другими стра-

нами СНГ. Рвать, крушить эти связи — себе в убыток. Не только в экономике. Но и в политике. И в области культуры.

Поэтому я искренне рад визиту президента Ельцина в Москву, подписанию Договора о дружбе и сотрудничестве между новой Россией и новым Азербайджаном. В чем-в чем, а в азербайджанско-российских отношениях необходимо исключить влияние конъюнктурных, преходящих моментов. Они, я бы сказал, самоценны для Азербайджана в силу многих причин.

Назову лишь одну — необходимость замирения в Закавказье и на Кавказе, в чем России надлежит сыграть очень заметную роль. Я понимаю трудности становления молодой российской дипломатии. И все же не могу избавиться от впечатления, что она, российская дипломатия, после первых неудачных попыток оказать поло-

жительное влияние на ход событий, в том числе в НКАО, больше озабочена созданием дистанции между российским МИД и хлопотными кавказскими делами, нежели интенсивными поисками разумных подходов к политическому урегулированию, будь то армяно-азербайджанский конфликт или другие взрывоопасные проблемы, которые, к сожалению, продолжают накапливаться по обе стороны Кавказского хребта.

Я сейчас говорю не о военной роли России. Меч — инструмент разрушения, а не созидания. Я говорю о политической роли, которая в силу истории, в силу геополитических факторов должна принадлежать и объективно принадлежит Российскому государству.

Не верю и не желаю верить, что главные интересы России лежат теперь где угодно, но не там, что ныне принято именовать ближним зарубежьем. Здесь, в распавшемся Советском Союзе, принимая как данность свершившееся, находится, по моему глубокому убеждению, важнейшая сфера жизненных интересов, будь то России, Азербайджана или других молодых суверенных государств. Согласимся с этим, значит, надо сообща искать пути к политическому урегулированию больших проблем, сообща вести дело к преодолению военных конфликтов, сообща торить дорогу к согласию. Избрав такую линию, заручившись терпением, желанием понять друг друга и воображением, можно будет погасить злые страсти и шаг за шагом продвигаться к разумным фундаментальным решениям, которых ждут люди, измаявшиеся от неустойчивости, политических шараханий и вражды.

Россия — страна без границ?

Пограничники по-прежнему ходят в дозоры, граница по-прежнему на замке. Но чья граница?

Дмитрий Тренин,
Вадим Макаренко

Приглядитесь к нескольким сообщениям из хроники этой осени. Президент России в последний момент отменяет давно готовившийся визит в Японию. На заставах по реке Пяндж, отделяющей полыхающий Афганистан от уже дымящегося Таджикистана, прибывает дополнительная тысяча пограничников СНГ. Внутренние войска России пытаются взять под контроль кавказские рубежи Родины и при этом изолировать Чечню, официально входящую в состав Российской Федерации. Тем временем на вокзалах Сочи милиция занята выявлением и выдворением подозрительных личностей, прибывших из соседнего государства, а казаки пытаются защитить рынки Краснодара и Петербурга от нашествия южных гостей. Под Псковом размещаются отряды воинов в зеленых фуражках, в Смоленске «садится» штаб нового военного округа, в Ростовской области появляются таможенные посты.

Когда летом 1945 года руководители «большой тройки» решали в Потсдаме судьбы Германии и Европы, им стоило не-

которого труда определить, что означало в новых условиях понятие «Германия». В этой связи Сталин заметил: «Это страна без границ...» Спустя почти полвека после окончания той войны и без малого год после роспуска Советского Союза придется признать, что «страной без границ» в современном, после-послевоенном мире является Россия.

Укрепляем границы... СССР

У нашей страны имеются международно признанные границы с Кореей, Китаем, Монголией на Дальнем Востоке, с Финляндией и Норвегией на северо-западе, с Польшей в районе Калининграда, наконец, морская граница с США в Беринговом море (вопрос о российско-японской границе — особая статья), но большая часть нашей новой пограничной линии не имеет статуса государственной границы, не делимитирована (то есть точно не определено, где, собственно, проходит «рубеж») и не демаркирована (отсутствуют пограничные знаки). Это относится к границам России с Эстонией, Латвией, Литвой (в районе Калининграда), с Беларусью, Украиной в Европе, с Грузией и Азербайджаном на Кавказе, а также с Казахстаном, которые пока что имеют юридический статус административных (внутренних) границ.

**Россия
продолжает
охранять
рубежи
бывшего
СССР.**

**Соответствует
ли это ее
национальным
интересам?**

Но что, собственно говоря, означает понятие «граница»?

Советская граница выступала в качестве монолитного барьера: она четко определяла государственную принадлежность тех или иных территорий, служила обеспечению внешней (военной и политико-идеологической) безопасности, была важнейшим инструментом миграционной политики, таможенного контроля. Граница, одним словом, была «на замке», ключ от которого хранился надежно и поворачивался не без разбора...

Насколько внушительны были в Советской стране внешние границы, настолько условны границы внутренние. Они имели значение разве что для статистики, в практической жизни они просто не учитывались. Ясно, что, после того как новые независимые государства, вышедшие из Советского Союза, провозгласили создание СНГ, велик был соблазн (в особенности в России) «обойтись без границ» внутри нового Содружества. Делались аргументированные ссылки и на нерасчлененную реальность советского бытия, и на передовой опыт стран Западной Европы, и, наконец, просто на финансовую целесообразность. В результате Беловежское соглашение и Алма-Атинская декларация гарантировали открытость границ и свободу передвижения граждан внутри Содружества. В примерно десяти документах СНГ, касающихся вопросов охраны границ, статус государственной границы сохранен лишь за «внешними рубежами». Лишь Украина настаивала на том, что все границы государств Содружества должны иметь одинаковый статус. Остальные государства, и прежде всего Россия, предпочитали уделять максимум внимания укреплению... границ СССР.

Похоже, мы по-прежнему исходили из унаследованной нами концепции «единой границы», вместо того чтобы решить, какие функции на каких рубежах и в каком сочетании могут обеспечиваться оптимальным образом.

Армия за пределами страны

Общепринято, что граница выполняет следующие основные функции: территориального размежевания, обеспечения внешней безопасности, миграционного и таможенного контроля. Попробуем оценить существующую ситуацию под каждым из перечисленных углов зрения.

Прежде всего возьмем проблему фиксации государственной принадлежности тех или иных территорий. Бесспорной с обеих сторон представляется, пожалуй, лишь граница с Беларусью. Эстония официально претендует на Ивангород и Печоры, закрепленные за ней по Юрьевско-

Задержаны контрабандисты с грузом оружия, шедшие из Афганистана

Фото из журнала «Тайм» (США)

му договору 1920 года. Латвия — на Пыталовский район, также прежде входивший в ее состав. Официальные лица в Литве запускают пробные шары в отношении «древней земли пруссов». В отношении споредливости границ с Украиной сомнения высказываются уже с российской стороны (известное заявление Верховного Совета по Крыму). Не все в России, кажется, готовы «отказаться» от североказахстанских областей... Наконец, совершенным кошмаром для политиков является проблема границ на Кавказе.

Но очевидно, что четкое размежевание территории подразумевает решение не только территориальных проблем. Вопрос стоит шире: завершение национально-государственного обособления в рамках бывшего СССР. Речь идет об окончательном отказе от прежней всеохватывающей имперской структуры геополитического пространства. Сейчас многое кажется «завязанным» на проблемы государственной принадлежности территорий, но, если бы, к примеру, на территории России оказалось достаточно жилья для российских военнослужащих, отношения с Прибалтикой приобрели бы совершенно иной характер.

Или взять судьбу русскоязычного населения. По сути оно оказывается живой ниткой, на которую сметано пространство Содружества. Задержанный экономическими неурядицами, небывалым ростом преступности, другими внутренними проблемами, житель России реагирует на события в Таджикистане едва ли более обостренно, чем на бойню в Боснии и Герцеговине. Его не особенно задевает даже то, что там гибнут его соотечественники из числа

гражданского населения и военнослужащие Вооруженных Сил России.

Депутаты Верховного Совета не отправляются в командировки в осажденные российские гарнизоны Курган-Тюбе и Куляба. Кунашир и Шикотан кажутся привлекательнее. Но кто ответит на вопрос: а что, собственно, делают российские войска в Таджикистане? Их просто забыли или они отстаивают какие-то государственные интересы? Если последнее, то какие именно? Санкционировал ли парламент такое использование российских войск?

Вообще говоря, наличие российской армии за пределами России без необходимых юридических оснований (межгосударственные договоренности об их пребывании, соглашения о статусе) создает условия для вовлечения России во все конфликты, возникающие в районах дислокации наших войск. Сохранение этой силы на всей территории бывшего СССР и даже неопределенность ее статуса были бы понятны, если бы Россия проводила политику собирания вокруг себя земель бывшего Союза, но Москва официально не ставит своей целью замедлить или обратить вспять процесс становления на месте бывших союзных республик новых независимых государств.

С другой стороны, объективно вовлечение армии в конфликты (в Приднестровье ли, в Абхазии ли) ставит правительство перед свершившимися фактами, что ведет к раздвоению политической линии. Это, в свою очередь, подрывает доверие соседей к России. Из этого следует вывод: неурегулированность вопроса о границе говорит о том, что вопрос о будущем государственно-политическом устройстве

огромного пространства бывшего СССР остается открытым.

Сочи – приграничный город

Лишь четкое приращение российской границе на всем ее протяжении статуса государственной позволит гражданам России определиться, произвести необходимую «делимитацию» в собственном сознании.

В Сочи только недавно (а не в декабре прошлого года) осознали, что их город-курорт стал приграничным. В Ставрополе уже поняли, что граница проходит где-то рядом, но Волгоград и Смоленск живут еще советскими масштабами, а многие москвичи, отправлявшиеся в августе в отпуск, исходили скорее из сравнительных финансово-климатических, а не государственно- и военно-политических преимуществ тех или иных мест отдыха. В результате некоторые оказались в Сухуми, в Гудауте, в Гаграх. Опасно, что и МИД России не счел нужным предупредить российских граждан, что их пребывание в Абхазии на фоне эскалировавшегося конфликта могло представлять угрозу для их жизни.

Сегодня продолжается не защищенный со стороны правительства России исход русских из Средней Азии. В чем дело? На наш взгляд, многое коренится в неурегулированности вопроса о гражданстве России и, как следствие, об обязательствах государства перед своими гражданами.

Но кто, собственно говоря, является россиянином, то есть гражданином России? Ведь по документам почти все мы продолжаем являться гражданами СССР. В балтийских странах этот вопрос решен (хотя и на основе явной дискриминации). На

Украине в паспортах поставлен соответствующий штамп, подтвержденный «трезубом». Что в России: отметка о прописке?

Сейчас много говорится о необходимости введения иммиграционного контроля (при этом часто добавляют: жесткого). Но как это сделать, если неизвестно, кто – свой, кто – чужой? Исходить из прописки или, еще хуже, из пресловутой пятой графы: сортировать по цвету волос, оттенку кожи, разрезу глаз? И поручить это обычному милиционеру?

Остро нужен закон о гражданстве. Право приобретения российского гражданства должно быть закреплено не только за сегодняшними жителями России, но и за теми россиянами, кто проживает за ее пределами. Выбравшие российское гражданство и составившие корпус граждан России. Тогда не останется возможностей для демагогических спекуляций. Тогда российское правительство и парламент страны будут точно знать, кого они могут – и обязаны – защищать внутри страны, в ближнем и дальнем зарубежье. Только при таком условии можно будет организовать эффективную иммиграционную службу, договариваться о визовом или безвизовом порядке пересечения госграниц.

Передвижение товаров между государствами нуждается в столь же четком регулировании. Многомиллиардный (в долларовом исчислении) экономический ущерб, который наша страна несет в результате отсутствия у нее таможенной политики и надежной таможенной службы, – это плата за неопределенность таможенных границ России. Здесь следует незамедлительно определиться: с кем у нас таможенный (и экономический) союз, с кем – нет, и на каких условиях мы со-

трудничаем. Нельзя допустить, чтобы другие страны (или отдельные лица независимо от их гражданства) продолжали наживаться за счет затянувшейся российской неразберихи. Сколько бы ни стоила организация таможенных постов, они должны быть установлены там, где пройдут границы таможенного союза.

Без разницы между «фронтом» и «тылом»

Наконец, военная безопасность. Забота о физической безопасности страны – первейшая обязанность государства, которую оно не может переложить на кого-то еще. Сегодня Россия в основном своими силами прикрывает на значительном протяжении чужую границу, в то время как своя собственная на столь же протяженном участке оголена. Это делается в соответствии с концепцией «двуслойной границы», согласно которой стратегические рубежи России остаются как бы выдвинутыми вперед, а страны ближнего зарубежья образуют (подобно бывшим союзникам по Варшавскому Договору) широкий буфер.

Что бы ни говорили о достоинствах такой концепции, у нее есть серьезный недостаток: она не работает. Об этом говорит практика румыно-молдавской границы, об этом кричат изолированные погранзаставы на Араксе и на Пяндже, не знающие разницы между «фронтом» и «тылом». В то же время ставшее настоятельной необходимостью укрепление российских границ с прибалтийскими и закавказскими государствами наталкивается на отсутствие соответствующей законодательной базы: ведь эти границы еще не стали государственными.

Отход российских войск из Балтии, Закавказья, в перспективе из Средней Азии в пределы России не должен, конечно, вести к воссозданию сплошной обороны по всему периметру наших новых рубежей. Границу следует оборудовать и укреплять, основываясь на оценке конкретной военно-политической обстановки на тех или иных направлениях. Скажем, сейчас имеются хорошие возможности для закрепления демилитаризованного статуса границ России с Беларусью, Украиной, Казахстаном. Нельзя, чтобы этот шанс был упущен.

Итак, принятие закона о границе и закона о гражданстве, создание иммиграционной, таможенной и пограничной служб – вопросы более чем актуальные. Чем объяснить затяжку с их решением: сосредоточенностью на социально-экономических проблемах? нежеланием обострять отношения с соседями по столь щекотливой проблеме? Задержка со стороны властей с принятием неприятных, но неизбежных решений никогда еще не приводила к тому, что проблема исчезала сама по себе.

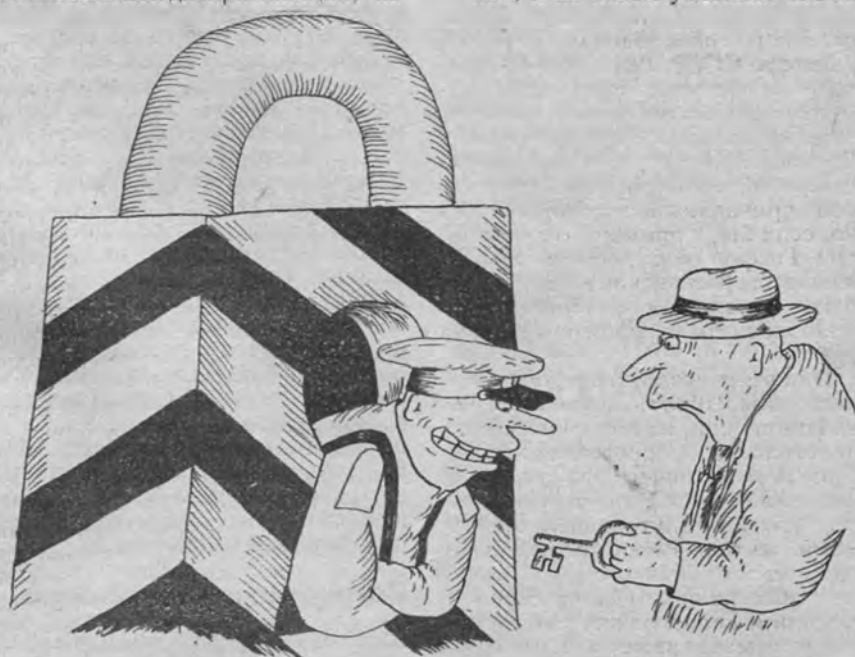

Рисунок Марата Таурова

Советовать можно, служить нельзя

Пристало ли интеллигенции заполнять коридоры власти?

Выращенная в советское время интеллигенция остается уникально российским феноменом. Она по-прежнему озабочена «судьбами Отечества» и по-прежнему ищет ответы на извечный вопрос: как должно ей относиться к существующей власти?

С народом, против народа...

Как и век-два назад, ее терзает раздвоенность позиции: открыто поддерживать власть критически мыслящие личности не могут, да это и «неприлично», но и выступать в роли бунтарей, призывающих к ее свержению, интеллигенция в основной своей массе то ли боится, то ли не желает в силу скептицизма: а что, собственно, изменится, да и ради чего и кого?

Интеллигентов в принципе мало волнует власть как таковая, если она на них не нападает, дает им безбедное существование и относительную свободу. Многие из них вообще удалились бы от политики, если бы не вопрос о «судьбах Отечества».

Этот вопрос, можно сказать, служит «почвой» для «беспочвенной» интеллигенции. В России критически мыслящие интеллектуалы, не считая себя «народом», всегда были обеспокоены его судьбой. Хотя в наши дни судьба интеллигенции и судьба «народа» достаточно сблизилась, все же те, кто выбрал духовное призвание, дистанцируют себя и от власти, и от народа и в этой своей «беспочвенности» радеют о судьбах Отечества.

Представления отечественной интеллигенции о власти и о том, как должно к ней относиться, отдают «довеховской» стариной. Как и век назад, интеллигентские круги видят власть в образе внешней, центральной, простирающейся над обществом инстанции, единолично принимающей решения. Образ монархической власти — неважно, царской или коммунистической — все еще витает не только среди народа, но и среди интеллигенции.

Власть находится в Кремле или в Белом доме (как в свое время в Зимнем дворце), и отношение к власти

ограничивается выражением симпатий или антипатий к харизме, которая сегодня там обосновалась. Все обсуждение проблемы отношения интеллигенции и власти ограничивается отношением к центральному «коридорам» и «главному штабу» нынешней власти в России. Критически мыслящие личности в России разделяют вместе с «некритическим» народом иллюзию, будто власть находится в какой-то верхней, центральной точке...

«Наша», «не наша»

Одни возмущаются тем, что интеллигенты вместо оппонирования Белому дому или Кремлю сами «полезли» в «коридоры власти» и ратуют за оппозиционность интеллигенции, другие, напротив, считают, что не дело интеллигенции бороться с властью, третьи — что ее нужно «окультурить», а народу выражать «сострадание», четвертые — что надо вообще выйти из политики и заняться своим делом, пятые — что интеллигенция должна встать в оппозицию не только к власти, но и к народу...

Неудивительно, что при таком представлении о власти в интеллигентских кругах существует большой разброс мнений относительно того, какую позицию занять в отношении Кремля или Белого дома.

Известный культуролог Г. Померанц считает, что надо дать нынешней центральной власти возможность «поэкспериментировать» до конца, и задачу интеллигенции видит в том, чтобы народ не просто терпел на «операционном столе» нынешних реформ, но терпел «со смыслом», то есть разъяснить ему, что в этом терпении есть смысл — становление нового облика России. С ним решительно не согласен экономист-«народник» А. Бузгалин, убеждая, что сам поиск такого смысла есть предательство интеллигенции по отношению к народу, а философ-«народник» Ю. Бородай переводит этот «смысл» так: «Не просто плакать и страдать, а еще придать смысл экзекуции».

Но самым, пожалуй, ужасным для невластвующей и невластолюбивой интеллигенции является «предательство» части интеллигентов, ко-

торым отказало «критическое мышление» и которые подались в «коридоры власти». «Советовать царю» или быть «независимым» еще куда ни шло, но чтобы оказаться в чиновничьем звании, на службе — это уж нет, увольте.

Но можно ли радеть об Отечестве и быть совершенно независимым от власти? Почему так негативно относятся невластвующие интеллигенты к интеллигентам властвующим? Что вредного в том, что «интеллигенты» «полезли» во власть? Главное в том, что их туда «впустили», хотя верно и то, что интеллигент, ставший политиком, в известном смысле теряет часть своих добродетелей. Но это в конце концов личное дело.

Невластвующие интеллигенты не только не «любят» интеллигентов властвующих, но и относятся к власти с точки зрения добра и зла, а потому в зависимости от приписываемого качества либо проникаются к ней чувством преданности, либо, что значительно чаще, критикуют и осуждают ее.

Власть представляется российской интеллигенции как некая религиозно-нравственная субстанция, излучающая или не излучающая из себя свободу, благо и справедливость. Когда же таких излучений не происходит и даже, наоборот, «неизбежны массовые экзекуции», то интеллигенты считают своим долгом сообщить об этом «народу» и становятся в оппозицию.

Невластвующим интеллектуалам, привыкшим оценивать власть с точки зрения добра и зла, трудно понять, что она есть категория не нравственная, а политическая, что со времен Сократа она без реального наполнения своего содержания сама по себе ничего не излучает, кроме как присутствия или отсутствия своей силы. Оценивать ее в терминах «наша» или «не наша» можно, но эти оценки к самой власти не имеют никакого отношения. Российские же интеллигенты относятся к власти как к личности, они всегда персонифицировали власть, а точнее, переносили на нее свои идеальные и личные ожидания.

Они полагают, что власть сама должна стремиться к праву и благу, а поскольку таких стремлений чаще всего не наблюдалось, то она забрасывалась громами и молниями словесной критики... Вопрос же, будет ли она сама стремиться к праву и благу, если ее не принуждать и подталкивать, как-то повисал в воздухе или отдавался на откуп самому «двору» или политической оппозиции.

Сотрудничать не зазорно

Советовать правителям или критиковать их — это еще куда ни шло, а

принуждать и подталкивать их к благу и праву — это в России всегда считалось занятием, недостойным интеллигента.

Мне думается, что интеллигенция в России не ощущала в себе и себя как силу именно потому, что психологически ощущала в себе потребность выйти из системы власти, отгородиться от нее или стать выше ее. Но как бы она ни пыталась выйти из системы власти, объективно она в нее включена, поскольку обладает тем, что во многом и придает власти силу, а именно знанием, информацией.

Но помогать официальным властям разрешать сложную стратегическую ситуацию в обществе не означает непосредственно и непременно сотрудничать с властными структурами и тем более во всем с ними соглашаться. Хотя и в сотрудничестве с демократически открытой властью нет ничего предосудительного. Здесь важно не потерять своего лица. И все же дело интеллигенции, полагаю, состоит не в том, чтобы сотрудничать с официальными властями, а в том, чтобы им «сопротивляться» и, сопротивляясь, помогать решать проблемы выхода из сложившейся общественной ситуации.

На мой взгляд, российские интеллигалы не находят порой своего места и призвания в обществе потому, что отождествляли власть и властные структуры, предоставляя последним распоряжаться властью как им вздумается. Но ведь властные структуры действуют или действуют вероломно как макиавеллевский «Князь» именно потому, что не встречают сопротивления.

На примере конфликта с газетой «Известия» мы видим развертывание принципиального спора между стремлением власти к контролю над информацией и стремлением интеллигалов поставить власть под информационный и правовой контроль. Эту свою контрольную функцию по отношению к власти российские интеллигалы всегда слабо реализовывали.

Осуществлять эту функцию значительно сложнее, чем просто объявить о своей оппозиции власти. Да и не интеллигентское это дело вставать в оппозицию к власти, если под последней понимать

Рисунок Владимира Солдатов

политическую борьбу за власть.

Оппозиция приходит и уходит, сама становится или не становится властью, а сопротивление, функция контроля власти всегда сохраняются. Дело не только в том, что общество заинтересовано в каких-то противовесах власти, ибо если верно, что власть портит людей, то без них она «портится» сама. Власть, чтобы ощущать свою силу, то есть ощущать себя как власть, в известной мере сама нуждается в какой-то критике извне по принципу: если меня критикуют, то я существую. Даже тоталитарная власть нуждается в каком-то фетише сопротивления, и не случайно Гитлер и Сталин считали, что если «врагов народа» нет, то их нужно выдумать.

Власть не принадлежит только властвующим. Она принадлежит им разве что только в примитивных обществах. В развитых же обществах сила власти зависит не только от полицейско-репрессивного аппарата и бюрократии. Она зависит от существующего в обществе материального и интеллектуального богатства в форме знаний и информации. Проблема сопротивления власти, контроля над ней зависит от того, насколько

«силовым линиям» власти оказывается конструктивное содействие и противодействие по всей цепи власти снизу доверху. В демократическом обществе это происходит независимо от того, какие силы и партии находятся у власти.

На двух китах

Убежден, что дело интеллигенции не в том, чтобы служить властям, и не в том, чтобы быть в оппозиции, а в том, чтобы рационально распоряжаться в интересах общества своим богатством — способностями, знанием и информацией, активно влияя на сам процесс принятия властных решений.

Сама по себе критика власти со стороны одиноких критически мыслящих интеллигалов, возможно, занятие полезное, но не очень эффективное. На сегодняшний день гораздо полезнее понимание интеллигенцией механизмов власти и ее достаточно активное включение в систему власти (вовсе не обязательно в ее «коридоры»), выдвижение

альтернативных идей, предложений, программ выхода из кризиса для каждого поселка, города, области, республики в России, профессиональная экспертиза принимаемых властных решений, взятие на себя функции контроля ложной или безнравственной информации.

А если интеллигенция, организуясь в какие-то свои структуры, объединится с другим «китом», на котором держится власть, — с материальным богатством в лице тех, кто им обладает, то, думается, сила власти, знание и богатство перестанут быть такими разделенными, какими они являются ныне, и эти три «ипостаси» власти выведут страну из сложной ситуации, в которой она оказалась. Только сотрудничая между собой, интеллигенция и предпринимательство дадут необходимое направление властным структурам и все вместе выведут Россию из кризиса. Но и тогда, очевидно, «беспочвенные», но «народолюбивые» интеллигалы будут высказывать властям свое «нравственное возмущение» и сострадать народу.

Юрий Фурманов

Президент, который сам себя сделал

Евгений Русаков,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Самые яркие впечатления дня выборов. Первое: невиданные много лет огромные очереди на избирательных участках. Второе: где-то в половине девятого вечера, когда началось телесоревнование кандидатов по голосам выборщиков, таксист от избытка чувств на всю Третью авеню заорал: «Он проиграл в своем собственном штате!» Имелось в виду, что Буш потерпел поражение в Коннектикуте, откуда он родом.

В общем, большинству американцев республиканцы основательно приелись.

Новое мироощущение

Волею судеб смена эпох и смена лидеров

**Билл Клинтон
будет либо
великим, либо
никудышным
президентом**

Америки произошли почти синхронно. Вслед за окончанием великого противостояния тоталитаризма и демократии в Белый дом пришли новые люди, свободные от мироощущения, которое определяло образ мысли и жизни американцев более полувека. Все предыдущие американские президенты воевали, в переносном или прямом смысле, как последний представитель их поколения бывший летчик Джордж Буш — участник сначала второй мировой, а потом «холодной войны».

Шестидесятники Запада — молодежь, выросшая в годы антивоенных демонстраций и почти повсеместного хиппования, в годы юношеского бунта против традиций и предрассудков устоявшегося и процветающего буржуазного, то бишь рыночного по нынешней нашей квалификации, общества. Хотя конфликт отцов и детей вечен, как вечно человечество, молодежный бунт 60-х — нечто уникальное в истории, ибо это была пока первая и последняя революция, в которой столкнулись не классы или нации, а поколения.

Поколение 60-х получило много эпитетов, в том числе «потерянного» — сродни юношам, попавшим в мясорубку малоизвестной ее участникам первой мировой. Эти два поколения прагматичного Запада XX века раздирали достойные пера Достоевского душевные противоречия, они проделали ту огромную работу души, которой любит похвастаться Россия.

Я почувствовал этот уникальный излом истории Америки, без которого, наверное, трудно понять современную историю, когда в самый разгар вьетнамской войны работал в Токио. Здесь я встречал молодых солдат, которые приезжали на недельные «каникулы» после крови и грязи Вьетнама, и «протестантов». Первые пытались как-то оправдать себя, большей частью чувством долга и прозой жизни. Вторые тоже прошли свой путь — от поддержки вашингтонского выбора из чувства патриотизма до демонстраций у американского посольства во имя того же патриотизма, но понятого по-новому после мучительных дискуссий и бессонных ночей.

Позволю себе смелость предположить, что я понимаю лучше метания шестидесятников, включая молодого Билла Клинтона, чем многие американцы поколения Джорджа Буша, которым пришлось пережить многое. Но никогда перед ними не

стоял столь двусмысленный выбор, как во время вьетнамской войны.

Еще год назад мне, как, похоже, и американцам, казалось, что точку во «вьетнамском синдроме» поставила «Буря в пустыне». Теперь ясно, что точку поставила победа шестидесятников. Потому что сознание часто труднее изменить, чем реальность. «Вьетнамский синдром» — это часть «холодной войны» и веры в «баланс», «сдерживание» и прочие варианты понимания мировой политики в координатах военной силы. Это неспособность понять самое себя, распознать свои внутренние слабости.

Хотя здешние «шестидесятники» за прошедшие два десятка лет остепенились и «одержавились» не меньше, чем многие наши «шестидесятники», они представляют поколение с совершенно иным мироощущением.

КГБ в зените «славы»

Пожалуй, самым любимым образом выборной кампании 1992 года стало сравнение с... КГБ. Во всяком случае, все три кандидата прибегли к нему.

Билл Клинтон сказал, что республиканская «машина ликвидации личностей» может «соперничать с КГБ». Буш заметил, что предлагаемая Клинтоном национальная система здравоохранения работала бы с «милосердием КГБ». Обрушившись на обоих соперников за то, что они прибегли к услугам политических спецов, работающих в качестве лоббистов иностранных корпораций — соперников США, Перо добавил: «Это все равно, как если бы в годы «холодной войны» шпионы КГБ работали в штаб-квартирах избирательных кампаний».

После съезда республиканцев в августе, где Клинтон был обвинен во всех возможных грехах, я полупуштя написал, что губернатора с радостью зачислили бы в «агенты влияния КГБ» («НВ», №35). Увы, мой мрачный юмор стал реальностью. В связи с давней поездкой молодого Клинтона на неделю в Советский Союз несколько конгрессменов-республиканцев сделали предположение, что Билла «мог возить КГБ» на своем черном лимузине, сделав из него «полезного дурачка», использовавшегося советским правительством. И добавили: в других государствах такого организатора демонстраций против своей страны за рубежом «судили бы за измену и даже расстреляли бы». Сам Буш высказался так: «Я ничего не утверждаю, но пусть он объяснится с народом». Не напоминает ли это наши страсти по заговорам ЦРУ, развалившим «союз нерушимый республик свободных»?

Выборные кампании 1988 и 1992-го отличались не только обычными

Билл Клинтон отвечает на вопросы Евгения Русакова

для любого подобного действия передегиваниями фактов, упрощениями и обещаниями «построить общество изобилия в четыре года», но и личными оскорблениями и ложью.

Большинство американских обозревателей считают, что пальма первенства в этом «благородном» деле принадлежит республиканцам. И не потому, что они какие-то злодеи, а потому, что демократам хватало острой, резкой, временами с передержками критики экономических провалов администрации Буша, а президент так и не нашел другого эффективного оружия, кроме прямых нападок на «скользкого Билла», которому «нельзя ни в чем доверять».

Буш обзвал Гора «чокнутым» и провозгласил, что его собака Милли разбирается во внешней политике больше, чем «эти два паца».

Когда за неделю до выборов Буш наконец стал понемногу сокращать свое отставание от губернатора Арканзаса, тут и Клинтон отбросил претензии на политическое джентльменство и впервые пошел врукопашную: «Сама мысль о том, что слово «доверие» может слетать с уст Буша после всего того, что он сделал с нашей страной, после того, как он растоптал правду, — это полное извращение американской политической системы».

Демократия — не для слабонервных

Короче говоря, даже одна из самых развитых и старых демократий в мире далеко не во всем может быть образцом для подражания.

Американских избирателей нередко обвиняют в наивности и инфантильности, что успех Перо вроде бы подтвердил. Но здравого смысла в целом избирательному корпусу вполне хватает. Самые одиозные обвинения в адрес соперников вызвали прямо обратную реакцию у большинства.

Американская пресса и даже телевидение (кроме бульварных листов) при всех их недостатках скрупулезно и, на мой взгляд, достаточно объективно освещали не только динамику кампании, но и подходы претендентов к решению стоящих перед страной острых проблем.

В конечном счете исход выборов решила экономика. Большинство пришли к выводу, что Буш оторвался от житейских проблем и ничего нового предложить не сможет.

Сила американской демократии в том, что, несмотря на довольно грязную политическую борьбу, в ней никто не может себе позволить призывы «спасти отечество», «разгонять» или «свергать» только потому, что его не устраивает программа или действия политических соперников. Политические деятели вынуждены в строго определенные сроки идти к избирателям, за которыми и остается выбор — нравится ли он кому-то или нет.

После победы новый президент отдает должное поверженному сопернику, тщательно моет руки, старается поскорее забыть о всей предвыборной грязи и призывает всю страну залечить раны, сплотившись ради всеобщего блага.

...В одиннадцатый пятнадцать вечера Джордж Буш, явно потрясенный и спотыкающийся в каждом предложении, объявил, что он

только что поздравил Билла Клинтона с победой. Он сказал: «Вся наша администрация будет работать в тесном контакте с его командой для плавной передачи власти. Предстоит большая работа, и интересы Америки должны быть на первом месте. Поэтому мы поддержим нового президента и желаем ему успеха». А Клинтон в своей речи по случаю победы воздал должное заслугам Буша и призвал всех американцев к консолидации. Таковы правила, такова традиция, таков незыблемый, хотя и неписанный, закон.

Мне не первый раз приходится наблюдать американские президентские кампании, и если говорить о их главном изъяне, то это, на мой взгляд, их частота и длительность. Даже в наше время быстрых перемен четыре года — небольшой срок. А фактически они превращаются в три года — последний год президентства занят предвыборной борьбой, нередко парализующей активную внутреннюю и внешнюю политику Белого дома.

В прошлом, отгороженная от Старого Света океаном и политической изоляцией, Америка могла позволить себе не спеша упражняться в выборной демократии. Сейчас, когда информация распространяется практически мгновенно, вряд ли требуется почти год для самого дотошного и скрупулезного изучения любого претендента.

В Америке раздаются робкие голоса в пользу избирательной реформы. Вполне понятна осторожность американцев: ломать — не строить. Но по мере развития информационной революции и углубления вовлеченности Америки в мировую экономику эта проблема будет все сильнее стучаться в двери.

На бой с динозавром

Наутро, после выборов, начинается таинственный процесс превращения политика в государственного мужа. Не всем он удается. Но надо помнить и другое: далеко не все великие американские президенты были в жизни и в политической борьбе иконописными святыми. Достаточно вспомнить веселые гулянки с «девочками» Джона Кеннеди в бассейне Белого дома.

Личность накладывает сильный отпечаток на президентство и политические действия. Увы, дистиллированная честность и нравственность далеко не всегда синоним успеха, что блистательно доказал рыцарь без страха и упрека Джимми Картер. И наоборот, маленький ушастый Росс Перо, талантливый манипулятор с замашками главного персонажа из «Всей королевской рати», в условиях далеко не совершенной, но зрелой демократии в ко-

Ал Гор — второй участник победившего тандема

нечном счете сыграл весьма положительную роль. Он не только всколыхнул избирателей, но и решил, пусть не всегда последовательно, сказать горькую правду о необходимости жертв во имя борьбы с динозавром, придавившим американскую экономику четырехтриллионным дефицитом федерального бюджета.

Мне кажется, что Билл Клинтон будет либо великим, либо никудышным президентом. Середнячком ему быть не позволяют громадные вызовы и громадные возможности, которые стоят перед Америкой и всем миром. Быть середнячком не позволяет и характер избранного президента. Он не скрывает, что мечтал о президентстве с детства и посвятил достижению этой цели всю свою сознательную жизнь. На мой взгляд, ничего плохого в этом политическом карьеризме нет: человеку, который любит свою работу, легче, даже если эта «работа» — президентство. При этом Клинтон — один из немногих, кто любит и знает запутанные и неблагоприятные внутренние проблемы.

После того как во время первичных выборов в Нью-Гэмпшире мне удалось воочию увидеть всех претендентов на кресло в Белом доме, я пришел к выводу, что самым большим потенциалом обладает Билл Клинтон — с учетом того, что Буш, по существу, свой потенциал уже исчерпал.

В стиле Карпова и киевского «Динамо»

Билл Клинтон — первый в современной истории страны человек, «сам себя сделавший» президентом. Он никому не обязан своей победой — ни партийным машинам, как любимец правых Рейган или его наследник умеренный Буш, ни Трех-

сторонней комиссии, как первый «одиноким ковбой» американской политики Джимми Картер.

Вряд ли такой человек, кумирами которого стали две «звезды» — Джон Кеннеди и Элвис Пресли, — будет почивать на лаврах, удобно усевшись в громадном кожаном кресле Овального кабинета.

Вопрос в другом. Что победит — идеалы, принципы (Клинтон заявляет, что добивался победы ради того, чтобы дети жили не хуже их родителей) или текучка, проза жизни и обилие не слишком эффективных компромиссов?

Я верю Клинтону, что его многому научил и изменил тяжелый предвыборный марафон — встречи с десятками и сотнями тысяч людей по всей стране.

О проявленной Клинтоном целеустремленности, упорстве в достижении цели, стойкости и выдержке в самые мрачные дни его президентской одиссеи уже слагаются саги. В нью-гэмпширском кругу предвыборного ада, когда мне удалось вместе с зарубежными коллегами близко видеть губернатора, а затем задать пару вопросов, он поразил своим самообладанием и внешней невозмутимостью.

Сейчас я бы обратил внимание на его прекрасное политическое чутье и умение импровизировать. В июне во время второго кризиса Клинтон начал серию удачных политических ходов, которые заставили избирателей взглянуть на «скользкого Билла» по-новому и за какой-то месяц возродили его из живого политического трупа в лидеры президентских гонок.

Великий поворот подготовили не только такие традиционные шаги, как умелая переупаковка экономической программы и чрезвычайно удачно проведенный съезд демократов. Многие специалисты считают, что начало поворота провозгласило соло Клинтона на саксофоне в телешоу известного черного комика Арсенио Холла: узкие темные очки, которые помощники губернатора после долгих споров сунули ему перед самым выходом на сцену, представили образ Клинтона по-новому и в прямом смысле этого слова. Казалось бы, чепуха какая-то: выборы лидера единственной оставшейся сверхдержавы, а тут близость и темные очки. Но речь идет об умении найти нестандартные и зачастую единственно верные решения.

Начиная с августа и особенно в сентябре избирательная кампания Клинтона резко изменилась: от искрометных и вдохновенных импровизаций в стиле Гарри Каспарова демократы перешли к карповскому медленному наращиванию позиционного преимущества — по числу выборщиков от штатов и даже к

игре на удержание, на результат, которым когда-то славилось киевское «Динамо». Это стоическое терпение стоило не меньших нервов, чем импровизация в полосы кризиса — особенно в последние две недели. Клинтон проявил железную выдержку, расчетливость и профессионализм, хотя под конец многим начало казаться, что он может пропустить решающий год в свои ворота.

И все-таки вопрос остается открытым: что возьмет верх — упорство, лидерские и бойцовские качества Билла Клинтона или склонность, особенно после сокрушительного поражения при попытке баллотироваться на второй срок губернаторства в Арканзасе, ублажать побольше людей и обходить побольше острых углов.

Лично я надеюсь, что судьба и сам молодой президент не растратят его огромный потенциал.

За антипартийную деятельность

Для всех «шестидесятников», исключая правых ортодоксов, характерны более широкий и терпимый взгляд

на мир, естественное (не логикой ума, а логикой сердца и житейского опыта) преодоление догм мира, определявшего борьбу с «империями зла», и столь же естественное понимание того, что все — процветание, престиж, национальная безопасность — начинается дома. «Если мы не будем сильны дома, мы не сможем быть сильными за рубежом», — сказал на днях новый президент.

А новый мир поистине странен для Америки. Впервые почти за век американцы стоят перед реальной угрозой утратить свое технологическое превосходство и унаследованный ею от родины промышленной революции — Англии — статус «мастерской мира». Впервые Америка не может отгородиться от мировой экономики, на которую работает теперь одна пятая ее потенциала. Впервые со времен «великой депрессии» основательно подрвана вера в «американскую мечту» — возможность для каждого среднего американца купить дом, дать детям высшее образование и иметь обеспеченную пенсию в старости. Признаки одряхления страна ощутила еще в 70-х годах. «Рейганомика» несколько взбодрила, но не излечила ее.

Сейчас маятник качнулся в другую сторону: шестидесятники полагают, что рецепт «чем меньше правительства, тем лучше» — отнюдь не панацея, а скорее — блаженное бездействие. Отказавшись от бесконечного накачивания денег в социальные программы, они намерены заниматься не столько перераспределением пирога, сколько его увеличением на основе разработанной экономической стратегии.

Как сложится экономическая ситуация? Сможет ли новый президент не только дождаться окончания циклического спада, но и как-то подтолкнуть экономику, повернув страну к активному поиску новых путей ее структурного улучшения, повышения конкурентоспособности и достижения процветания в новую эру? Избежит ли он «клинтоновского экономического спада», об угрозе которого уже сейчас говорят наиболее дальновидные политики и экономисты?

Новый президент намерен действовать быстро, равняясь на знаменитые сто дней своего великого предшественника-демократа Франклина Рузвельта.

Почти вся повестка дня ста дней будет заполнена внутриполитическими делами, прежде всего разработкой и утверждением экономического пакета и реформой национальной системы здравоохранения. Избранный президент заявил, что в ближайшие

полгода он «сфокусируется, подобно лазерному лучу, на американской экономике».

У Клинтона имеются серьезные форы — мандат американского народа в виде победы в подавляющем большинстве штатов и конгресс, находящийся в руках его коллег по партии. Такой перетряски палата представителей не знала последние 60 лет, и многие из конгрессменов и даже сенаторов обязаны Клинтону своим избранием.

Отдельные важные и даже спорные шаги по внешней политике, как здесь считают, возможны и в первые сто дней, когда по американским политическим канонам новому президенту полагается «медовый месяц» — щадящий режим в смысле критики со стороны Капитолийского холма и печати. Но основные направления внешней политики Вашингтона, кроме прямо связанных с экономической безопасностью торговых переговоров в рамках уругвайского раунда ГАТТ, на первых порах будут подвержены скорее переосмыслению, чем перестраиванию. Клинтон счел необходимым особо подчеркнуть «преemptивность» по существу американской внешней политики. Это касается и российско-«СНГовских» дел. В принципе администрация Клинтона намерена сделать одним из императивов своей мировой политики оказание поддержки «мощному глобальному движению к демократии и рыночным экономикам». По словам Клинтона, в переходный период он готов тесно сотрудничать с Бушем в вопросах внешней политики, включая завершение переговоров о деталях соглашения о глубоких сокращениях стратегических ядерных вооружений и «поддержку российской молодой демократии».

Поворот Вашингтона к активному строительству нового мирового порядка неизбежен. Без этого невозможно ни великое, ни даже приличное президентство.

...Пока же Вашингтон стал столицей великого переселения правительственных чиновников. Республиканская администрация Рейгана первой в истории подвергла коридоры власти тотальной чистке по причине «антипартийной деятельности» (в смысле принадлежности к демократической партии). Многие демократы считают, что теперь настала их очередь сквитаться.

НЬЮ-ЙОРК

Фото из журналов
«Нью-Йорк таймс мэгэзин»,
«Таймс» (США) и ИТАР-ТАСС

Джордж Буш уходит — оставив заметный след в истории

Александр Дубчек с внучками

Человек из «пражской весны»

Умер Александр Дубчек. Европейскую и мировую сцену покинул политик, чье имя — как бы ни относились к его носителю сторонники и противники — напроцх вписалось в непростую историю великих преобразований последней трети XX века. Ушел из жизни человек скромный и яркий, цельный и противоречивый, трезвый реалист и великий романтик, попытавшийся первым заглянуть в будущее, ожидающее «реальный социализм», и предпринявший безуспешную попытку изменить это будущее.

О Дубчеке много говорили тогда, в конце 60-х. Одни видели в нем — лидере «пражской весны» — мужественного борца за подлинную социальную справедливость и демократию. Другие — «ревизиониста», предателя «дела социализма и коммунизма». Третьи — просто слабого, непоследовательного политика. Говорили о нем и в конце 80-х, когда, вернувшись из политического небытия, он возглавил первый послереволюционный парламент, сделавший больше и пошедший в общественных преобразованиях дальше,

чем удалось его предшественникам, парламентариям 60-х.

И вот теперь говорят снова. В связи с трагической гибелью. Вспоминают непростую биографию этого человека, родившегося в Словакии, проведенного детство в Средней Азии, юность — на Волге. Солдата, мужественно воевавшего за освобождение своей отчизны. Партийного функционера, политика, диссидента, для которого нравственные принципы и этические нормы в итоге оказались дороже и выше, чем требования партийной дисциплины, политические цели, карьерные интересы...

Два месяца после нелепой автомобильной аварии он находился между жизнью и смертью. Два месяца врачи боролись за его жизнь. И хотелось верить в чудо. В такое же чудо, как возвращение живым его и немногих уцелевших бойцов второй парашютно-десантной бригады чехословацкой армии из огня Словацкого национального восстания, в 1944 году, куда они были брошены в последний критический момент, когда трагическая судьба повстанцев была уже предре-

шена. В такое же чудо, как возвращение в большую политику в 1989-м после двух десятилетий, казалось бы, полной политической смерти и тщательно поддерживаемого новыми властями забвения.

Многие не верили тогда в подобное чудо. Помню, на каком-то официальном приеме в чехословацком МИД зимой 1969/70 года Дубчек — уже не первый секретарь ЦК КПЧ и не председатель парламента, но еще и не исключенный из партии, разговаривая со знакомыми журналистами, весьма нелестно говорил о безнравственности и аморальности политики.

— Саша, а ты знаешь, какая разница между политиками и поэтами? — не без иронии спросил один из участников разговора, известный в то время как поэт.

— Нет...

— Бывших поэтов не бывает, — пояснил поэт и отошел, довольный собой, оставив у всех чувство какой-то неосознанной неловкости.

Вскоре Дубчек уехал послом в Турцию. Ненадолго. Через пару месяцев не без активного нажима Кремля был отозван, исключен из КПЧ и после этого без малого на два десятка лет исчез из большой политики, тихо работая в одном из словацких лесных хозяйств.

От него ждали покаяния.

Он не калялся. Ни в чем. Ни перед кем. Ни в том, что в январе 1968-го,

став первым секретарем ЦК КПЧ, возглавил попытку соединить социалистические идеалы с гуманными демократическими нормами человеческого общежития. Ни в том, что после августа 1968-го, когда танки пяти союзников по Варшавскому Договору раздавили наивную мечту о «социализме с человеческим лицом», подписал в Москве соглашение с московским политбюро.

Впрочем, мог ли он в той обстановке не подписать это соглашение? И не печальный ли опыт подавления «пражской весны» учитывал позже генерал Ярузельский в Польше, предпочтя собственное чрезвычайное положение чужому вмешательству?

Когда Дубчек снова появился на политической сцене в дни «бархатной революции» 1989 года, многим казалось, что перед ними прежний Дубчек. Большие стало морщины, прибавилось седых, но с той же, что и в прежние годы, страстью отстаивал он и на посту председателя Федерального собрания и став лидером Словацкой социал-демократической партии гуманные и нравственные начала политики, целиком посвящая себя этой борьбе.

Александр Дубчек верил в социализм, в высокие идеалы социальной справедливости. И мужественно поставил под сомнение правомерность пути к этим идеалам, намеченного основоположниками социалистического учения, когда увидел, что этот путь антигуманен.

Он был верным другом России, Советского Союза, защитником советской политики, проводником советского влияния. И мужественно выступил против этой политики, когда ее цели оказались несовместимыми с его представлениями о долге и морали.

Таким он и останется в памяти.

Александр Дидусенко

Я, Дубчек и министр Фейсал в 1968 году

Политическое двуличие в 1968 году было для меня привычным образом жизни. Целые натуры вызывали у меня презрение, которое я скрывал. Целые — это те, которые так же идейно высказывались в откровенных застольях, как и на партсобраниях. Позднее начал завидовать некоторым цельным натурам трусливой завистью: академику Сахарову, Солженицыну.

В 1968 году стал корреспондентом ТАСС в Адене, где еще и посольства советского не было: кругом дикая смесь из британских и американских шпионов, затаившихся реакционеров, истинных большевиков и пришедших к власти арабских националистов с явной склонностью к марксизму.

Слушал по приемнику новости из Чехословакии и радовался. Неужели, думал, им удастся освободиться от нашего диктата? Если Чехословакия отделится, глядишь — за ней и Польша, и Венгрия, а там и наш паскудный режим рухнет. Молодец Дубчек!

Потом пошли сомнения: не слишком ли Запад захваливает его? Не спровоцирует ли политбюро на агрессию?

Позднее, когда в Адене уже во всю работало советское посольство, так оно и произошло. Утром посол сказал мне:

— Надо организовать отклики...

Через час я был у министра иностранных дел Южного Йемена Фейсала аш-

Шааби (позднее его расстреляло еще более революционное руководство).

— А что там, в Чехословакии? — спросил он.

Я промямлил что-то официальное.

— А ты, Дмитрий, напиши, что вам нужно от меня, а я подпишусь, — предложил министр.

— Да нет, товарищ Фейсал. Нужен ваш голос. Это я ведь для московского радио делаю.

Министр попросил меня еще раз изложить нашу позицию и довольно бойко пересказал ее на магнитофон.

Я привез послу кассету с записью, чувствуя себя отвратительно. В тот вечер выпил и пошел в гости к друзьям-дипломатам. У моего друга как раз было застолье. Был там и товарищ из КГБ, и еще какой-то незнакомец, приехавший в командировку из Москвы.

Разговор, естественно, зашел о Дубчеке и о нашем вторжении. Все за столом дружно осудили «предателя» и шумно одобрили вторжение наших танков в Прагу. Тут я не выдержал и высказался откровенно. Разразился скандал. Меня обзывали последними словами, а я огрызнулся, крыл «политбюровскую сволочь», и «правящего орангутана».

На следующее утро настроение было ни к черту: донесут или не донесут? Не донесли. Все осталось без последствий. Но отводил после этого душу я только с одним человеком, представителем ООН в Адене болгарин Юрием Царвулановым.

Однажды у меня в гостях были три приезжих корреспондента: Евгений Примаков от «Правды», Сурен Широан (АПН) и Александр Тимошкин (радио). Пришел и Юра Царвуланов, который принялся костить нашу агрессию в Чехословакии. Я молчал. Приезжие корреспонденты вяло оправдывали акцию. Но расстались они с Царвулановым друзьями.

Погорел Царвуланов позднее — все из-за тех же чехословацких событий. Однажды вечером в баре Итальянского клуба он в присутствии наших дипломатов и представителей спецслужб высказался особенно резко в защиту Дубчека. Особенно разозлили наших службистов пожелания Юрия, чтобы нас Китай так же завоевал.

— Вот этого я тебе не прощу, сука! — сказал один из них.

Поскольку болгарского посольства в Адене не было, «рука Москвы» проделала долгий путь через Москву в Болгарию. Через месяц Юрия Царвуланова вызвали в Софию. Там он был исключен из партии, снят с работы с волчьим билетом. Работал где-то официантом, женился и, кажется, уехал в Израиль. Больше я о нем ничего не слышал...

Дмитрий Згерский

Август 1968-го...

В 1967 году генерал Ицхак Рабин руководил операцией по захвату Голанских высот. Сегодня премьер-министр Ицхак Рабин, кажется, готов их вернуть, чтобы помириться с Сирией

Пасмурные высоты

Дмитрий Згерский

**Израиль
расстался с
Синайским
полуостровом
ради мира с
Египтом.
Готов ли он
расстаться с
Голанскими
высотами ради
мира с
Сирией?**

Камень преткновения на арабо-израильских переговорах — судьба Голанских высот, которые стали израильскими после поражения Сирии в 1967 году.

Тель-Авив и Дамаск декларируют готовность к мирному урегулированию, но по-разному видят последовательность шагов в этом направлении. Израиль предлагает: сначала мирный договор, затем — гарантии безопасности и после этого передача Голанских высот, возможно, поэтапно.

Позиция Сирии: сначала безоговорочная передача Голанских высот. Затем заключение мирного соглашения и, наконец, разработка гарантий безопасности.

Что представляет собой эта территория площадью около 1000 квадратных километров?

Пять семей в мертвом городе

Дважды мне довелось побывать на Голанских высотах, и оба раза они произвели мрачноватое впечатление. В январе 1988 года я побывал там с сирийской стороны, а потом и с израильской — в сентябре 1989 года.

Поездка туда напомнила стандартный литературный прием с описанием погоды. Выехали по шоссе из солнечного Дамаска. Вдоль дороги тянулись непролазные бунты серебристой колючей проволоки, видимо, отгораживавшей минные поля, оставленные израильтянами еще в 1967 году. Шоссе полого поднималось вверх на Голанское плато. После городка Хан Арнаба началась демилитаризованная зона,

находящаяся под контролем «голубых касок» ООН. Заморосил дождь. По мере приближения к столице Джауляна (так по-арабски называют Голанские высоты) стало темно из-за туч, а дождь усилился.

Зрелище разгромленной Эль-Кунейтры невозможно забыть. Израильтяне бомбили столицу Джауляна каким-то особенным образом. Чаще всего не оставалось остовов домов — только бетонные пластины крыш на горах развалин, провалившихся в погреба. Уцелевшие дома в некогда процветавшем городе можно было, наверно, по пальцам пересчитать. Я насчитал по пути всего два. Сквозь струи ливня в свинцовом сумраке из развалин мелькнуло бледное женское лицо. Мне пояснили, что в мертвом городе все-таки живут пять семей.

Дорога закончилась постами «голубых касок» среди еще большего нагромождения колючей проволоки на высоких столбах с фонарями. Тупик был перегорожен широченными голубыми воротами с огромной надписью по-английски «Добро пожаловать в Израиль!».

Колхоз под секретными шарами

На равнинах Израиля в сентябре было солнечно и жарко. Переход в иную климатическую зону произошел по вертикали. Почти отвесная стена Голанского плато со стороны Израиля и оккупированных территорий казалась неприступной. Каким-то образом автомобиль поднялся на нее, миная многочисленные военные посты, доты и амбразуры. Подумалось: а может быть, Голанские высоты внутри пустотелые?

Демилитаризованную зону на Голанских высотах контро

Сверху вниз открывалась солнечная панорама, кажется, всей Палестины: города, деревни, кибуцы, узкая лента реки Иордан.

Вверху было пасмурно и холодно. Судя по грязи на дорогах, дожди шли часто. Слева от дороги показались типично колхозная картина: утопающая в грязи МТС, груды сена, навоза, неподвижная сельхозтехника, бараки для скота.

— На Голанских высотах обустроиваются примерно 15 тысяч израильтян, — пояснил мой спутник.

— И не бояться, что сирийцы когда-нибудь вернутся? — Сопровождающий пожал плечами.

Слева показалась остроконечная скала, усеянная сверху большими шарами.

— Посмотрите направо, — предложил сопровождающий. — Видите вон там, немного впереди, постройку? Это Сирия.

Я, кажется, увидел те же самые голубые ворота, но без надписи. Когда вышел из машины, сопровождающий попросил меня не смотреть в ту сторону, где на утесе лепились странные шары. Военная тайна. Я честно не смотрел назад, думая, что с сирийской стороны мне наверняка разрешили бы любоваться этими шарами сколько угодно.

Разведчик, друг президента

Голанские высоты были естественным плацдармом для войны с Израилем. Отсюда Израиль обстрели-

вался даже в мирное, с его точки зрения, время. С точки зрения арабских соседей, война никогда не прекращалась.

Однажды осенью 1960 года 36-летнего сотрудника израильской разведки «Моссад» Эли Коэна привезли к этой стене, с которой начиналась сирийская земля. Инструктор рассказал ему о сирийской бомбардировке израильского кибуца Тель-Кадир. Длилось это несколько недель. Систематически уничтожались все поля с урожаем, гибли израильские крестьяне. Поскольку ноты протеста не действовали, отряды израильской армии ночью проникли на Голанские высоты. В сражении, длившемся до утра, они уничтожили более пятидесяти домов в сирийском населенном пункте, где базировались батареи, и захватили с собой боевую технику сирийцев.

Эли Коэн поставили задачу обосноваться в Сирии, чтобы предупреждать о нападениях сирийской армии.

Карьера этого агента «Моссад» в истории современного шпионажа оказалась беспрецедентной. Впрочем, и личностью он был незаурядной. Родился в Александрии (Египет) в 1924 году. Занимался фотографией, в совершенстве овладел несколькими языками, был хорошим спортсменом, всерьез изучал физику и математику, был знатком военной техники, имел феноменальную память. В качестве «француза» его отправили однажды на месяц во Францию, и там он вполне сошел «за своего».

В Сирию его переправили сложным путем: через Швейцарию в Аргентину с ее полумиллионной арабской колонией. Туда он прибыл как коммерсант Кямил Амин Сабит. За короткий срок в Буэнос-Айресе Эли Коэн стал весьма популярным человеком в местной арабской колонии бизнесменов. По легенде он был сирийцем, мечтавшим вернуться на родину предков, поскольку его родители жили в Ливане. Сирийский диалект он знал в совершенстве.

Его начали приглашать в сирийское посольство, где он познакомился с военным атташе майором Аминем Хафезом, будущим прези-

Памятник Хафезу Асаду в Дамаске: пока никаких сдвигов в позиции Сирии

дентом Сирии, и стал его другом. Амин Хафез уговорил его вступить в Партию арабского социалистического возрождения (Баас) и перебраться с ним в Сирию.

В Дамаске Эли Коэн снял квартиру напротив генерального штаба сирийской армии. Создал коммерческую компанию, которая вскоре начала приносить прибыль.

Время от времени он посещал свою семью в Тель-Авиве (жена — арабка из Ирака и трое детей). Летал туда через Цюрих, где встречался с резидентом «Моссад», а заодно занимался бизнесом, прибыль от которого переводил в «Моссад». Уже через два месяца Эли Коэн сумел предупредить Тель-Авив о подготовке очередного нападения с Голанских высот.

Популярность и авторитет «сирийского коммерсанта» росли стремительно. Среди его друзей — члены правительства, генералы. Тем более что президент Сирии весьма симпатизировал «истинному патриоту Сирии». Вечеринки он устраивал с размахом, на них гости могли побаловаться и гашишем. Высокие чины генералитета пользовались благосклонностью Эли Коэна. Некоторым из них он давал ключ от своей квартиры для встреч с любовницами.

лируют войска ООН

В ряде министерств он стал вхож без пропуска. В кабинетах высоких руководителей поджидал их прихода, заодно фотографируя секретные документы. Эли Коэн удостоился стать первым штатским человеком, которого сирийские военачальники возили по Голанским высотам и показывали ему секретные объекты, делились с ним планами нападений на Израиль и отвода вод реки Иордан.

«Спасибо за шубу»

Его друг президент Амин Хафез решил сделать Эли Коэна министром обороны Сирии. Правда, некоторое время ему нужно было поработать в должности заместителя министра.

Несколько атак на Израиль с Голанских высот предупредил г-н Кямил Амин Сабит за относительно короткий срок своей головокружительной карьеры, загодя оповещая Тель-Авив, когда, где и какими силами готовились атаки. В руководстве Израйля решили больше не подвергать риску жизнь столь ценного разведчика. Во время очередной тайной поездки в Тель-Авив к семье «Моссад» предложил ему не возвращаться в Дамаск. Он отказался: одно дело осталось незавершенным. Нужно было добыть сведения о создававшейся в Сирии террористической палестинской организации для действий в тылу Израйля.

Эли Коэн в последний раз приехал в Дамаск, где по нему успели соскучиться. Президент благодарил за дорогую шубу, которую он презентовал его супруге.

Как-то вечером (шел 1965 год) Эли Коэн передавал очередную шифровку в Израиль. Он не подозревал о том, что находящееся рядом индийское посольство направило жалобу на какие-то помехи в эфире в руководство МИД Сирии. Спецслужбы быстро его запеленговали и арестовали.

Процесс был закрытым. Арестовали около 500 человек, включая высших чинов руководства. Эли Коэн придеривался той версии, что он все-таки сириец Кямил Амин Сабит, которого завербовала израильская разведка. Впервые он раскрылся, когда сам президент тайно посетил его в тюремной камере.

— Кто ты? — спросил президент.
— Я — Элиаху Коэн, израильский солдат, — ответил заключенный.

Его подвергли страшным пыткам, чтобы заставить выдать сообщников. Эли повесили в Дамаске. А в Израйле был объявлен национальный траур в честь героя. Его именем названы улицы и площади.

Арабский терроризм более всего мешает мирному процессу

В 1967 году, когда по инициативе египетского президента Гамаль Абдель Насера готовилась общегарабская война с целью полностью уничтожить Израйль, Тель-Авив опередил своих врагов и в ходе шестидневной войны захватил Голанские высоты.

В книге израильских авторов Д. Айзенберга, Э. Ландау и У. Дана «Моссад» они пишут: «Сокрушительная победа на Голанских высотах стала возможной благодаря информации, которую Эли Коэн передавал из Дамаска...»

Кэмп-Дэвид еще не в моде

Позиции и Сирии, и Израйля понять несложно. Израйль не может согласиться на требование Сирии отдать Голанское плато, а потом уж о чем-то там говорить. Ему нужны четкие гарантии того, что Дамаск никогда не превратит высоты в плацдарм для нападения.

С другой стороны, не отдавать Голанские высоты — тоже плохо. Пока они аннексированы, партизанская война внутри Израйля всегда будет оправдываться «борьбой за освобождение оккупированных земель». Опять-таки подлинной безопасности не будет. Премьер-министр Ицхак Рабин выложил перед арабами карты на стол, не торгуясь по каждому пункту, как делал бы в такой ситуации его предшественник. Пока что ничего лучшего, чем частичный уход с высот, он не смог придумать.

Сирия такой компромисс отвергает. Поколения воспитывались на идее уничтожения «сионистского образования». В этой воинствен-

ной доктрине Дамаск издавна претендовал на роль лидера (как, впрочем, и Ирак, и Ливия). Дамаску очень бы хотелось ликвидировать всякие следы поражения в войне и вычеркнуть их из истории. Велико искушение заставить Тель-Авив пойти на максимальные уступки, чтобы забыть о военных поражениях.

Но Хафезу Асаду хотелось бы увенчать свою политическую карьеру достижением мира. Хотя Сирия и относится к числу стабильных режимов региона, но помощь Запада для преодоления экономических трудностей ей становится все более необходимой. А для этого нужно покинуть список стран, поддерживающих международный терроризм.

Возможно, нужен посредник типа Генри Киссинджера с его челночной дипломатией. Найти его трудно. Вашингтон этим заниматься не станет. Новый президент Билл Клинтон еще до своего избрания заявил, что не желает поддерживать «диктаторский» режим Сирии. Дело, видимо, не столько в «диктаторстве», сколько в терроризме, которому, по мнению Вашингтона, Дамаск покровительствует. Поэтому хорошей базой для достижения мира послужили бы отказ заинтересованных сторон от любой поддержки терроризма, ликвидация их баз и судебное преследование террористов. Такой процесс мог бы идти параллельно с мирными переговорами в Вашингтоне.

Фото из журналов «Ньюсуик», «Ю.С. нью энд уорлд рипорт» (США), «Экспресс» (Франция)

Одиссея М.О.

Анатолий Ковригин,
собственный корреспондент
«Нового времени»

«Ф» едеральный министр охраны имущества и хозяйственного планирования доктор Петер Крауланд и сопровождающие его лица при возвращении с деловых переговоров в Верхней Австрии были задержаны на контрольно-пропускном пункте на советской стороне моста через реку Эннс и под предлогом того, что имеющиеся у них удостоверения личности подделаны, были доставлены в комендатуру в город Санкт-Валентин. Через четверть часа министру там сообщили, что его документы в порядке, а у госпожи доктора Маргарете Оттиллигер они якобы фальшивые. Несмотря на протесты министра, доктор Оттиллигер была задержана в комендатуре.

Этим сообщением, появившимся в австрийской газете «Винер цайтунг» 6 ноября 1948 года, начинается рассказ о трагической одиссее австрийки, которой пришлось испытать на себе все прелести сталинских лагерей.

Кто же такая Маргарете Оттиллигер и чем она привлекла внимание советской контрразведки?

В 1945 году Австрия, как и Германия, была разделена на четыре оккупационные зоны. Упомянутая выше быстрая речка Эннс, берущая начало в заснеженных Альпах, являлась естественной границей между американской и советской сферами влияния.

Здесь, в Австрии, «холодная война» дала о себе знать гораздо раньше, чем в других европейских странах. Секретные службы Востока и Запада, но прежде всего Америки и Советского Союза, развернули активную деятельность друг против друга. Жертвой этого противоборства стала и Оттиллигер.

А целили в министра...

К моменту ареста ей было 29 лет. Несмотря на возраст, она возглавляла ключевое управление в министерстве охраны имущества и хозяйственного планирования, определявшего в ту пору всю экономическую жизнь послевоенной

**Семь лет
провела в
ГУЛАГе
жительница
Австрии,
которая
понадобилась
советской
военной
контрразведке
для большой,
но
безуспешной
игры**

Австрии. Высокую должность она получила благодаря своим глубоким знаниям и практическому опыту. Уже в 21 год она с блеском окончила Венский университет, став доктором экономики. Работа в различных частных и правительственных структурах, в том числе в Федеральной торговой палате, позволила ей обзавестись необходимыми связями и поддержкой влиятельных людей. Одним из них был президент палаты Юлиус Рааб, занявший затем пост федерального канцлера. По его рекомендации Маргарете стала правой рукой министра Крауланда.

По мнению историка из Граца Стефана Карнера, как раз Крауланд и сыграл в судьбе своей подчиненной роковую роль. Дело в том, что министр поддерживал с американцами контакты, которые явно выходили за пределы служебного общения. Его постоянным гостем и фактическим опекуном являлся резидент американской разведки в Австрии Эдвин Кретцманн. Он и его подчиненные не без оснований считали Крауланда «своим человеком». Однако прямо замахнуться на министра, полагает Карнер, русские в тот момент не могли — вероятно, боялись международных осложнений. Но предупредительный выстрел в его сторону был произведен. Живой мишенью стала фрау Оттиллигер.

Имелась и еще одна деталь, которая делала молодую австрийку в глазах советских военных контрразведчиков весьма подозрительной. По роду своей деятельности она была знакома с инженером советской части Союзнической комиссии по Австрии Андреем Диденко. Тот занимался демонстрацией оборудования на сталелитейных предприятиях, входивших в состав германского военно-промышленного комплекса, в частности на заводах концерна «Герман Геринг» в Линце. Осенью 1946 года Диденко решил остаться на Западе и переехал в американскую оккупационную зону. Маргарете заподозрили в том, что именно она склонила неравнодушного к женскому полу инженера совершить это тяжкое преступление.

Итак, 6 ноября 1948 года она была задержана в комендатуре города Санкт-Валентин, и уже на следующий день в личном деле заключенной Маргарете Оттиллигер (далее — М.О.) появился первый документ, в котором говорилось об аресте «крупного агента иностранной разведки».

Из воспоминаний М.О.

«В ночь с 6 на 7 ноября 1948 года меня втиснули в легковушку и посадили между

СЕКРЕТНО

1-13

Содержит в себе 15 листов, в том числе 10 страниц, представляющих М.О. Австрийку, бывшую Гитлеровку.

Личное дело
заключенного № 102

Фамилия Оттиллигер
Имя Маргарита
Отчество Stefan Karner (Hg.)

**GEHEIME AKTEN
DES KGB**
„Margarita Ottilinger“

Арх. № 40190461

Производить изданию на обложке дела, на предусмотренных фирмой, воспрещается

54

Leuckart

Австрийский историк Стефан Карнер на основе лагерной одиссеи Маргарете Оттиллигер написал книгу

Самый счастливый день: возвращение домой...

двумя солдатами, вооруженными автоматами. Впереди находились капитан и водитель в форме. Через Санкт-Петербург и Вилер-Нойштадт меня доставили в советскую штаб-квартиру в Бадене. Машина въехала в ворота с красной звездой и остановилась у длинного барака».

Социально опасная личность

После тщательного обыска начались бесконечные и мучительные допросы. Они прерывались пребыванием в «стоячем карцере» — расположенной в подвале узкой клетке без света и притока свежего воздуха.

Из воспоминаний М.О.

«Мучения были ужасные, стали появляться галлюцинации, в голову пришла мысль о самоубийстве. Однако попытка повеситься не удалась. Шнур оказался недостаточно прочным. Придя в сознание, я увидела склонившихся надо мной офицеров, которые кричали мне в лицо: «Ты — преступница, ты — американская шпионка! Мы заставим тебя сказать всю правду!» С этого момента в моей камере постоянно находились часовые, которые сменялись каждые два часа».

Прошло около трех месяцев, прежде чем Маргарете сообщили о том, что следствие по ее делу завершено. Заместитель начальника Управления контрразведки МГБ войсковой части п/п 32750 полковник Утянов 13 января 1949 года утвердил постановление, в котором говорилось, что «личность Оттиллергер является социально опасной» и после осуждения ее следует направить для отбытия срока в особый лагерь МВД СССР. В начале февраля 1949

года «шпионку» переводят из следственной тюрьмы в Бадене в пересыльную тюрьму Управления контрразведки МГБ Центральной группы войск в Нойнкирхене. Дело переправляется в Москву на рассмотрение Особого совещания при МГБ СССР.

Из воспоминаний М.О.

«Моя верхняя одежда и белье постепенно пришли в полную негодность. В один из дней офицер сообщил мне о том, что начальство в Бадене удовлетворило мою просьбу о приобретении на имеющиеся у меня к моменту ареста деньги необходимых вещей. Вместо теплого одеяла я купила находившейся со мной в камере русской беременной женщине несколько детских распашонок».

11 апреля 1949 года в Москве Особое совещание при Министерстве госбезопасности СССР рассмотрело ее дело. «Оттиллергер Маргарете за шпионскую деятельность заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет, считая срок с 6 ноября 1948 года».

Из воспоминаний М.О.

«Утром 13 мая 1949 года меня неожиданно вызвали в дежурную комнату. Там находились политрук и сержант. Последний достал из папки несколько бумажек и стал их зачитывать. «Не понимаю», — сказала я выученную за время ареста

русскую фразу. Через несколько минут пришел переводчик Гриша — тоже заключенный, но находящийся в привилегированном положении: он выдавал белье и был тюремным парикмахером. Он начал переводить бумаги. То, что я от него услышала, было самое ужасное, что можно только предположить: 25 лет принудительных работ! Я лишь с большим трудом совладала с собой. Политрук попытался в очередной раз выбить из меня признание в том, что я являлась американской шпионкой. На мой вопрос, могу ли я опротестовать приговор, он ответил: «Да, но уже после того, как тебя доставят в Советский Союз». Затем меня вернули в камеру. В голове постоянно крутилась цифра 25. Этот срок представлялся мне невероятно долгим. Конечно же, я вспоминала о своем доме: отце, матери, брате, который совсем недавно вернулся из русского плена. Увижу ли я их еще когда-нибудь?»

Рай, обернувшийся адом

После вынесения приговора для нее начался долгий путь по лагерям и тюрьмам бескрайнего ГУЛАГа. Первым этапом был вагон для скота, вернее — отгороженная решеткой его часть, куда загнали Маргарете и еще шестерых женщин. В нем они сначала прибыли во Львов, а затем дорога повела на восток, в печально известный, окруженный болотами и лесами Дубравлаг.

Там ей пришлось заниматься переборкой картофеля. Голод заставлял во что бы то ни стало выполнять непосильно тяжелые нор-

...хотя из поезда ее вынесли на носилках

мы. Того, кто пытался припрятать пару картофелин, отправляли до утра в карцер. Затем ее перевели в швейный цех. Работа на конвейере требовала также напряжения всех сил. Монотонный рабский труд неожиданно был прерван вызовом в Москву.

Из воспоминаний М.О.

«В «черном воронке» без света меня доставили с вокзала к незнакомому зданию. Пройдя по нескольким коридорам и поднявшись по лестницам, я оказалась в помещении, показавшемся мне сказочным: после лагерных барачков и нар здесь было все по-другому: настоящая мебель, ковровые дорожки. Вежливые охранники обращаются по фамилии. Еду приносили в камеру. В туалете была горячая вода. Короче, внутренняя тюрьма на Лубянке могла показаться после Дубравлага раем, если бы не одно обстоятельство — здесь совершенно не давали спать».

Вновь начались измучивающие допросы, которые сопровождались всевозможными унижениями. В частности, отправили на осмотр к гинекологам, которые составили акт о том, что она вела половую жизнь... Следствие все еще намеревалось доказать ее прямую причастность к делу «Диденко». Это могло стать поводом и для пересмотра приговора: если к моменту его вынесения смертная казнь в Союзе была отменена, то теперь к «вышке» опять присуждали.

Но постепенно интерес к ней на Лубянке стал падать, и ее перевели в Бутырку. «Комфорта» тут было поменьше, зато и режим не такой строгий. Здесь «шпионка» заболела: дизентерия и высокая температура привели ее к полному истощению. Несколько недель она провела в тюремной больнице, после чего ее, еще не до конца поправившуюся, вновь направляют по этапу в Потьму.

Из воспоминаний М.О.

«В Потьму я прибыла столь больной, что у меня было одно желание: забраться в угол и там умереть, лишь бы больше никаких пересылок и допросов. В центральном лагерьном госпитале меня поместили в туберкулезное отделение, хотя я этим недугом еще не страдала. Главное, меня оставили в покое».

Но этот покой продолжался недолго. Дежурный приказывает Маргарете собираться в дорогу. Ее вновь везут в Москву. На Лубянке все тот же следователь предлагает сознаться в «шпионской деятельности» — и все тот же результат. Она обращается с просьбой пересмотреть ее дело, но 15 февраля 1952 года МГБ

СССР принимает решение «оставить ее просьбу без удовлетворения». Ей по-прежнему не разрешают переписываться с родственниками в Австрии.

В очередной раз следует возвращение в Потьму, в туберкулезное отделение Дубравлага. А состояние здоровья постоянно ухудшается.

Из воспоминаний М.О.

«Однажды сентябрьским утром мне вновь приказали собираться в дорогу. Даже врач выразил сомнения в возможности транспортировки пациента в таком состоянии. Однако причина вскоре выяснилась: пришел начальник с папкой под мышкой и зачитал извлеченный из нее документ, в котором сообщалось, что мой неотбытый срок в исправительно-трудовом лагере заменен тюремным заключением».

Поездом через Москву ее доставляют во Владимир, в знаменитый «политизолятор», где отбывали сроки многие известные люди. Ее поместили в большую светлую камеру, где стояло 12 кроватей, но заполнена она была только наполовину. Почти каждый день сюда приносили газеты, правда, трехмесячной давности. Именно с таким запозданием обитательницы камеры узнали о смерти Сталина.

Домой на носилках

Из воспоминаний М.О.

«В тюрьме появился новый начальник — молодой и очень приятный. Что-то должно было измениться кардинально, чтобы на месте старого политика-капитана появился такой человек. С его появлением мы стали получать свежую печать, что помогало ориентироваться в текущих событиях. Большой неожиданностью было для меня прозвучавший из его уст вопрос о том, согласна ли я с моим приговором. Конечно же, я была не согласна. Но предпринимаемые мною все четыре года попытки добиться пересмотра дела были безуспешны. «А вы напишите еще одно прошение, правда, теперь не в адрес МГБ, так как министерство ликвидировано, а в адрес министерства внутренних дел», — посоветовал начальник. В тот же день это мною и было сделано».

Однако ответ явно заставил себя ждать. Лишь в марте 1954 года ей сообщили, что ее дело направлено на перепроверку в советскую войсковую часть в Бадене, контрразведка которой осуществила ее арест. А еще через год, наконец-то, предоставили право

на переписку с родителями. Однако вступить в настоящую переписку она не успела. 21 апреля 1955 года указом Президиума Верховного Совета СССР она была досрочно освобождена.

Прощание с Владимиром было скорым. Начальник пожелал счастливого пути, она получила отобранные при аресте часы, кольца и браслет. Но поезд повез ее снова на восток. Опять в Потьму, где к этому времени располагался уже лагерь для репатриантов. Он был переполнен отъезжающими на родину, которые ожидали окончательного оформления документов.

Из воспоминаний М.О.

«В лагере я снова заболела и попала в изолятор. Однако мое желание поскорее уехать домой было сильнее моих недугов. На больничных носилках меня внесли в поезд, который взял курс на Москву».

25 июня 1955 года она вернулась домой. Ее вынесли из вагона на носилках два дюжих санитары. Пришедшие встретить бывшую узницу осыпали её цветами.

Она не только потеряла здоровье, но и надолго была зачислена в списки неблагонадежных. «Человека оттуда» не взяли на прежнее место в министерство, а отправили досрочно на пенсию. Не нашлось для нее подходящей должности и в Федеральной палате экономики, где раньше у нее было много знакомых. В конце концов в 1958 году ей удалось устроиться в Австрийское нефтяное управление, где она и проработала до 1982 года, когда ушла уже на настоящую пенсию.

Консульский отдел посольства СССР в Австрии сообщил ей, что постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 15 июня 1956 года судимость с нее снята.

Упомянутый выше ученый из Граца доктор Карнер сделал то, что еще, кажется, не удавалось никому до него: издал полное личное дело заключенной Оттилингер, сопроводив переводом на немецкий язык содержащиеся в нем документы и комментарии. Сделал он это весьма вовремя. С 1 января 1993 года каждый австриец, отбывавший срок в сталинских лагерях и тюрьмах, получает возможность ознакомиться со своим личным делом заключенного. Если человека уже нет в живых, то сделать это могут его ближайшие родственники. По словам Карнера, история М.О. может послужить своего рода путеводителем в прошлое, ужасное прошлое.

ВЕНА

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ

Секрет старой шинели

Бывший первый заместитель начальника Института проблем безопасности министерства безопасности России, кандидат юридических наук, полковник **Петр НИКУЛИН** отвечает на вопросы обозревателя «НВ» **Константина ИСАКОВА**.

Шесть лет Петр Никулин разрабатывал инструкции по технологии защиты государственных секретов и был экспертом, когда КГБ казалось, что какие-то тайны разглашены. Пришел к выводу о полной неэффективности существующего института государственной тайны. Сейчас Петр Никулин — член рабочей группы Комитета Верховного Совета России по вопросам обороны и безопасности, которая готовит проект закона о государственной тайне.

Научно-исследовательский институт КГБ был образован в 1977 году для разработки мер по защите государственных секретов. Затем был преобразован в НИИ проблем информации и оставался единственным «инакомыслящим» научным подразделением в системе контрразведки.

Ученый-химик Вил Мирзаянов, арестованный по подозрению в разглашении гостайны, освобожден из-под стражи — и ждет суда. Между тем эксперты утверждают: мания секретности обходится казне в 40–60 миллиардов рублей ежегодно

Позиция сотрудников института относительно концепции национальной безопасности, правового обеспечения органов КГБ, перестройки в стране режимно-секретной деятельности, защиты интеллектуальной собственности вызывала раздражение на Лубянке. Рекомендации ведомственного НИИ подрывали монополию руководства КГБ на информацию. В июле 1991 года тогдашний шеф КГБ Владимир Крючков собирался расформировать институт. Но не успел.

«Новое время». Что понимали в СССР под государственной тайной? Какая разница между государственной и военной тайнами?

П.Никулин. Само существование двух терминов — военная и государственная тайны — говорит об отсутствии логики и теории секретности.

Во всем мире под государственной тайной понимают сведения, относящиеся к внешней политике и обороне. У нас государственной тайной был охвачен громадный объем информации: от здоровья генсека до пуговицы на солдатской шинели.

Развитие института государственной тайны происходило уродливо. Его истин-

ный смысл — защиту военных секретов и механизма принятия политических решений — путали с охраной коммерческих секретов.

Защита государственной тайны предполагает ограничение прав на информационную и интеллектуальную собственность и распоряжение ею в интересах государства. Но в отсутствие закона о государственной тайне всегда можно волю чиновника выдать за волю государства. То, что творилось якобы под при-

Домашняя идиллия после камеры в Лефортове. Вил Мирзаянов с женой Нурийей и сыновьями Султаном и Искандером.

Суд освободил его из-под стражи, но следователи госбезопасности убеждены: уголовное дело против ученого возбуждено правильно.

Адвокат Мирзаянова Александр Аснис по-прежнему не может приступить к своим обязанностям, так как у него нет допуска к работе с секретными материалами. От услуг адвоката «с допуском», предложенного следствием, Мирзаянов по понятным причинам отказался

Фото Алексея Куденко

крытием заботы о государственной тайне, отражало интересы прежде всего военно-промышленного комплекса. Такая секретность позволяла скрывать ведомственную нераспорядительность, ошибки руководства, нарушения прав человека... Однако тайна переставала быть таковой, если это было экономически выгодно ВПК.

Мне как-то пришлось делать экспертную оценку контракта между научно-производственным объединением «Энергомаш» и одной американской фирмой. Речь шла о совместном испытании и использовании ракетно-ядерного двигателя. Это уникальное изобретение, во все времена оно относилось к разряду государственных секретов особой важности. В своем заключении я отметил, что созданы предпосылки для разглашения государственной тайны. Но контракт подписали. Победил экономический интерес военно-промышленного комплекса.

«НВ». Прежде составлялся се-

кретнейший список государственных тайн. Значит, существовал и механизм определения того, что есть государственная тайна?

П.Н. Схема была простая. Ведомства опрашивали на предмет существования у них секретных и совершенно секретных сведений.

«НВ». Кто опрашивал?

П.Н. Сначала второе главное управление КГБ (контрразведка), потом шестое (экономическое) управление. Рассылались запросы, собирались заявки и составлялся единый перечень гостайн.

«НВ». То есть КГБ просто верил на слово ведомствам?

П.Н. А кто в КГБ мог заниматься проверкой? Просто сводили полученные сведения в единый временный перечень главнейших сведений объемом с телефонный справочник (ныне действующий перечень включает 140 позиций) и передавали на утверждение в Совет Министров СССР. Последнюю подпись на перечне ставил председатель Совмина. После чего перечень приобретал ха-

рактер нормативного акта и действовал вместо закона. Но и сам перечень был строжайше засекречен.

«НВ». Существовал ли какой-либо порядок рассекречивания? Когда секреты теряли свою силу?

П.Н. Когда перечень пересматривался, устаревшие сведения просто не вносились. Правда, военное ведомство не торопилось изымать из секретного перечня, например, проданный на Ближний Восток истребитель. Все стремились перестраховаться дважды, трижды. В противном случае могли обвинить в разглашении государственной тайны.

«НВ». От чего зависела степень секретности документа?

П.Н. Руководствовались перечнем и революционным правосознанием. И писали: «секретно», «совсем секретно», «особой важности», «для служебного пользования», серия «К» (повышенный гриф секретности), «лично», «двойной пакет»...

«НВ». Насколько надежен был режим секретности?

П.Н. Система охраны гостайны оказалась совершенно неэффективной. Эта система не способна оценить, да порой и просто заметить ни материальный ущерб от «ушедших» секретов, ни потери от упущенной выгоды, неоправданной секретности, дублирования научно-исследовательских работ. Неразбериха царил полнейшая.

Специалисты уверяли, что секретная документация на комплекс «Буран» едва вместится в комнату. А когда встал вопрос о продаже этого комплекса на Запад, оказалось, что секретных документов едва наберется на небольшую папку!

Второй пример. Какой секретностью была окружена переправка — по ночам — ядерной подводной лодки из дока, допустим в Казани, в большие моря! Сколько сил ушло на «охрану»! А ведь все это время спутники без помех ее фотографировали. А главное, то, что в этой лодке считалось сверхсекретным — метод сварки титана, — было расписано в институтских учебниках.

Происходило это оттого, что секретность определяли чиновники, а не ученые. А секретность тождественна качеству товара. Она должна приносить выгоду, давать преимущество.

«НВ». Когда был отменен секретный перечень и кем?

П.Н. 29 ноября 1989 года на заседании Комитета конституционного надзора СССР. Я выступал на заседании в качестве эксперта. Комитет тогда провозгласил: касающиеся прав человека секретные постановления, которые не будут опублико-

ваны в течение трех месяцев, теряют свою юридическую силу. Но ни одно ведомство их так и не опубликовало. Похоже, решение Комитета конституционного надзора никто всерьез не воспринял. Через две недели после того заседания мне попался на глаза документ, подписанный Николаем Рыжковым. Он касался прав человека и опять шел с грифом «секретно»!..

«НВ». А какова позиция российской администрации?

П.Н. В феврале нынешнего года Борис Ельцин подписал указ о реанимации того секретного перечня. Никакого смысла в этом, правда, нет. Во-первых, от нас отделились прибалтийские страны, которые были посвящены во многие секреты. Во-вторых, уже в 1988 году было ясно: экономическая реформа отторгает режим секретности. Люди, то есть конкретные носители госсекретов, уходя в кооперативы, уносили свою интеллектуальную собственность.

Полгода назад разгорелся большой шум вокруг акционерного общества «КОЛО»: бывшие партаппаратчики в качестве уставного капитала внесли свою «интеллектуальную собственность». А что такое их интеллектуальная собственность? Это наши государственные секреты.

Неоправданная секретность ежегодно наносила ущерб народному хозяйству СССР порядка 40–60 миллиардов рублей. Это был ущерб от упущенной выгоды, от дублирования работ, от невозможности ученому свободно выехать за границу и довести до конца свой эксперимент, например. Моральный ущерб вообще не поддается исчислению.

До недавнего времени 90 процентов авторских свидетельств получали гриф «для служебного пользования». Вместо авторских свидетельств теперь выдают патент. Патент тот же товар изобретателя, но государство продолжает засекречивать патенты, то есть нарушает права изобретателей. Государство же должно не отбирать у человека

право на его интеллектуальную собственность, а выкупать его, причем по рыночной стоимости.

«НВ». Раз это было столь очевидно, почему никто не пытался изменить ситуацию?

П.Н. Пытались. К 1988 году, по моему, всем стало ясно, что существующая система секретности приносит стране колоссальные убытки. У нас замок стоил дороже того, что с его помощью охранялось. По инициативе нашего института была разработана программа «Секрет», предусматривавшая изменение режима секретной деятельности в стране, разработку закона.

Результатом первого этапа программы было разделение тайны на государственную и коммерческую (частично это было записано в законе о госпредприятии). Таким образом из области публичного права выделился институт частного права, который защищает интересы предпринимателей.

Однако второго этапа не последовало. Программу прекратила финансировать военно-промышленная комиссия — гибрид Совмина и ВПК. Но законы о государственной и коммерческой тайне остались разрабатывать энтузиасты. Спустя три года мы объединились в межведомственной комиссии Комитета по вопросам обороны и безопасности Верховного Совета России. Возглавляет комиссию депутат Сергей Иванов. Работу организует Роберт Луговец, а идеологией — Владимир Рубанов, бывший начальник информационно-аналитического управления КГБ, пришедший там не ко двору и ныне возглавляющий Российскую промышленную компанию.

«НВ». В чем суть предлагаемого вашей комиссией законопроекта?

П.Н. Мы даем ясное определение государственной тайны. Это «информация, относящаяся к обеспечению безопасности страны, доступ к которой ограничивается в интересах осуществления эффективной политической, военной, экономической, научно-технической, разведывательной и контрразведывательной деятельности».

В предлагаемом нами законопроекте ограничены области применения гостайны — оборона и межгосударственные отношения. Гостайной считаются программы обеспечения обороноспособности и безопасности, стратегические и оперативные планы применения войск, программы по созданию и модернизации стратегических видов вооружения, мобилизационные планы, содержание внешнепо-

литической деятельности по обеспечению безопасности страны, средства и методы контрразведки, государственные шифры, системы защиты ядерного оружия...

Нельзя же засекречивать фундаментальные исследования, чрезвычайные происшествия, угрожающие безопасности граждан. В законопроекте провозглашен принцип «презумпции несекретности». То есть нормируется секретность, а не гласность, и теперь уже государство должно будет доказывать необходимость засекречивания информации. Предусматривается и ответственность за незаконное засекречивание.

«НВ». Однако мне известно, что подготовлен и альтернативный законопроект...

П.Н. Законопроект о защите государственных секретов разработало министерство безопасности. Сфера регулирования этого законопроекта значительно уже и касается только защиты секретов. Но в законопроекте записано: «Государственные секреты — определенная часть сведений, затрагивающих обороноспособность, безопасность, экономические и политические интересы России, распространение которых ограничивается и подконтрольно государству. Государственные секреты — собственность государства».

«НВ». А разве «определенной частью» нельзя объявить все что угодно?

П.Н. Более того, в этом законопроекте говорится: «Настоящий закон определяет правовые основы и единую систему защиты государственных секретов во всех видах деятельности (выделено мной. — К.И.) органов государственной власти и управления, предприятий, объединений, организаций и граждан России на всей территории Российской Федерации, а также за границей».

Если парламентский законопроект определяет госсекреты лишь в двух сферах — внешней политики и обороны, то в министерском законопроекте охватывается все на свете.

В парламентском законопроекте предлагается создать комитет по информационной безопасности под руководством президента. Это освободило бы от соответствующих обязанностей министерство безопасности с его любовью к сохранению государственной тайны.

Да и целесообразно ли вообще посвящать работника спецслужб в государственные секреты, а после этого посылать его на передовую линию взаимодействия с противником? Откуда быстрее произойдет утечка секретов?..

Рисунки Марата Таирова

Хироши Кимура и Юрий Васильев

Памяти Сережи Кимура

Не стало человека, преданно любившего русскую культуру, Россию и, конечно, свою страну — Японию, которую почитал своим долгом знакомить с нашей литературой. Делал это Сережа Кимура (по-японски Хироши Кимура) самозабвенно, неустанно и талантливо. Его переводы Достоевского, Солженицына, других российских авторов на японский справедливо считаются образцовыми. Отечественные «блюстители нравов» гневались, и Сережу не пускали в нашу страну, закрывали перед ним двери в советское посольство в Токио. А он продолжал работать, служил Настоящему и Вечному.

Когда эти строки увидит читатель, Сережа, похороненный по православному обряду, будет покоиться в родной земле. Он родился 7 апреля 1925 года в день Благовещения Пресвятой Богородицы, день в день с прекрасным и до сих пор не открытым русским художником Юрием Васильевичем Васильевым, с которым его связывала хрестоматийная дружба. Благодаря Сереже Кимуре творчество Юрия Васильева знакомо японцам намного лучше, чем нам, его нелюбопытным соотечественникам.

Рожденные в один день, они и ушли из жизни в один день с интервалом в два года — 29 октября. Знак судьбы? Оставим ответ небесам. Наш же земной долг — сказать последнее Прости японскому другу. Светлая ему память.

Николай Шишлин

Бериевская премия — палачу

В людях, умеющих стрелять в других людей, недостатка не было

Ящик Пандоры, хранившийся в Кремле, раскрылся, и поток коммерзостей — от «катынского» решения политбюро до секретного сговора Молотов-Риббентроп — кажется неиссякаемым.

Новый документ, попавший в распоряжение редакции, относится к катынской драме. Это совершенно секретный приказ наркома Берия о награждении работников НКВД СССР, УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей «за успешное выполнение специальных заданий».

Приказ датирован 26 октября 1940 года, в нем — 124 имени. 44 человека награждены месячными окладами, остальным дали по 800 рублей.

«География» наркомовской щедрости очевидна: именно в этих трех областях весной 1940 года чекисты расстреливали поляков из соответствующего Осташковского, Козельского и Старобельского лагерей.

Открывает список «капитан госбезопасности Ильин Ф.К.». Это заместитель начальника УНКВД по Смоленской области.

«Старший лейтенант госбезопасности Рубанов А.М.». Бывший начальник УНКВД по Калининской области 90-летний Дмитрий Токарев рассказал, что вместе с Рубановым, комендантом управления (в НКВД коменданты исполняли приговоры), он ездил в марте 1940-го на секретное совещание в Москву. Там заместитель Берия Богдан Богулов огласил «указание высшей инстанции» о расстреле поляков. Потом в Калинин в тюрьме НКВД на улице Советской Рубанов разрабатывал технологию расстрела, обшивал стены камеры смерти звукопоглощающим материалом.

Поляков поодиночке приводили в Ленинскую комнату, — вспоминал Токарев, — сверяли данные. Надевали наручники, вели в приготовленную камеру — и били из пистолета в затылок.

Вместе с Рубановым Берия благодарит старательных исполнителей

работал приехавший из Москвы комендант НКВД Блохин.

Перед расстрелом он надел спецодежду: кожаную коричневую кепку, длинный, того же цвета, кожаный фартук, такие же перчатки с крагами выше локтей.

«Майор госбезопасности Блохин В.М.» — шестой в списке наркома Берия. За ним идут и другие «ответственные лица», присланные Москвой в Калинин: старший майор госбезопасности Синегубов, комбриг Кривенко. Всем — по месячному окладу.

Шоферу УНКВД Сухареву нарком определил 800 рублей. Сухарев, вспоминает Токарев, был очень активен. Однажды вечером он сказал: «Сегодня поработал здорово!»

Технологию убийства отработывали знающие люди. Но были и «свои».

В Катыни среди останков со следами пулевых ранений — разможенные черепа, ребра со следами штыковых ударов. Поляки не хотели идти на бойню послушным стадом...

В Медном (под Калинин/Тверью), где захоронены жертвы

Рубанова и Блохина, как правило, черепа с пулевым отверстием в затылке: поляк входил в камеру, стоявший за открывшейся дверью палач делал шаг — и стрелял в упор сзади. Но вдруг в общей могиле несколько черепов, разможенных пулями спереди. Военный патологоанатом Лев Беляев смог воссоздать жуткую картину случившегося:

— Человек вошел в камеру — и «спиной» почувствовал убийцу, коменданта НКВД, притаившегося сзади. Обернулся —

и у палача дрогнула рука. Ведь часто бывает, что палач боится увидеть лицо смертника... Он вторых стреляет, пуля проходит от виска через глаза жертвы. Это страшная боль, человек бьется в судорогах, и палачи добивают его беспорядочными выстрелами...

За эту тяжелую работу — месячный оклад. И — спиртное ящиками после каждого расстрела. Убивали столько, что пистолеты не выдерживали — заклинивало. Палачу ведь тоже надо было «расслабиться».

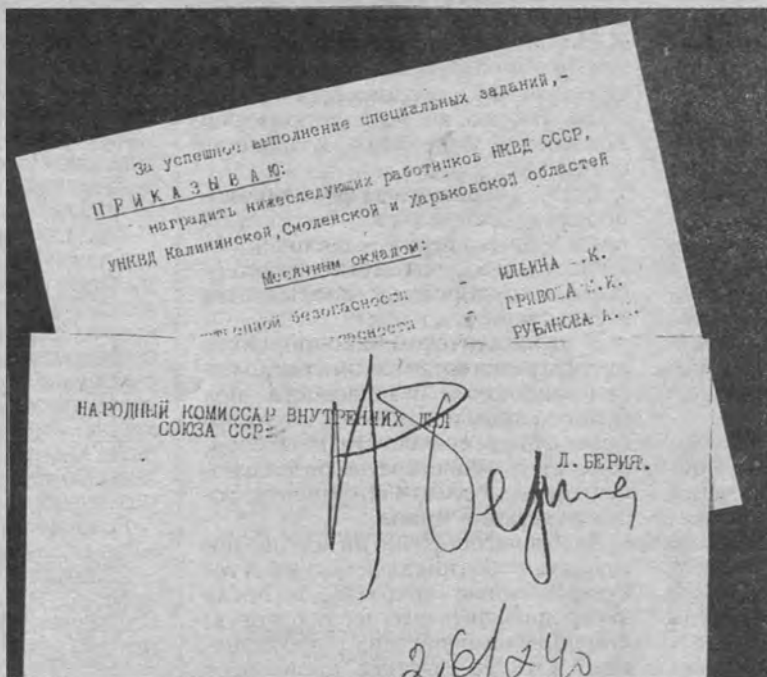
В списке нет самого Токарева. Он клянется, что сам не стрелял и потому не был «поощрен» наркомом. Значит ли это, что все названные в приказе 124 человека — в крови поляков? Скорее всего, да.

Жив ли кто-то из палачей? У многих, я знаю, не выдержала психика. Видимо, одно дело — застрелить двух, пятерых, десятерых «врагов народа», другое — убивать сотнями.

Шофер Сухарев застрелился из того самого «вальтера», из которого бил поляков. Коменданты Рубанов и Блохин списались — и тоже пустили пулю себе в висок.

Но, может быть, все-таки есть живые? Они могут не бояться и продавать свои мемуары. Я говорил с юристами: кроме Страшного Суда, этим людям ничто не грозит.

Лев Елин

Крысы на чердаке

Леонид Млечин

Интервью с несостоявшимся боевиком

В тусклом свете единственной лампочки, чудом уцелевшей на заброшенном чердаке, полном старого хлама, трудно было различить черты его лица. Встретив на улице, я вряд ли его узнаю — на это он, вероятно, и рассчитывал.

Мы несколько часов проговорили на чердаке, где в школьные годы собирались мои одноклассники.

Правда или неправда рассказанное им? Придумал он эту историю или действительно пережил все это? Вот вопросы, которые я задавал себе вновь и вновь. Неужели я и в самом деле учился когда-то в одной школе с будущим террористом?

Сколько человек было в вашей группе?

— Люди менялись. Примерно двадцать пять — тридцать.

— Кто они? По профессии, по возрасту?

— Молодые ребята,

наши с тобой ровесники или даже младше. Трое — офицеры, уволившиеся из армии. Один бывший милиционер, а один, наоборот, отмотавший срок урка. А в основном студенты недоучившиеся — учебу бросили и к нам пришли. Разные люди. Москвичей мало, иногородние. Вернее, они все приехали в Москву, но чего-то не заладилось. Вообще-то о себе рассказывать не разрешалось.

— Но вы знали подлинные имена друг друга?

— Не все. У каждого был псевдоним или кличка. И откликаться можно было только на нее. Деньги нам раз в неделю по ведомости выдавали — тоже подписывались псевдонимом.

— Много денег давали?

— На руки? Гроши. Да нам и тратить их особенно было негде. Вообще-то платили хорошо, но основные деньги клали на сберкнижку на предъявителя. Командировочные давали, когда куда-нибудь посылали. Если в район боевых действий, тогда классно платили.

— Где располагалась ваша группа?

— Последнее время — в одной заброшенной деревне в соседней с Москвой области. Купили там несколько домов. Обнесли глухим забором, сверху проволоку натянули, трех собак завели — на ночь их с цепи спускали.

— Чем вы там занимались?

— Утром кросс — десять километров. Бегали в любую погоду. Потом занятия. Обращение с оружием. Подрывное дело. Рукопашная борьба. Два раза в неделю уходили поглубже в лес и стреляли по мишеням. Зимой плохо ползать по снегу и гильзы собирать.

— Как ты оцениваешь свой уровень боевой подготовки?

— Ребята говорили, что лучше чем в армии учат. К тому же большинство уже попробовали себя в настоящем деле — в Приднестровье и Южной Осетии. Все научились стрелять из гранатомета, водить БМП.

— Кто же вами руководил?

— Я знал только непосредственных начальников нашей группы.

— А над ними кто-то есть?

— Конечно. Сколько раз слышал, как они по телефону с кем-то униженно разговаривали. Словно рядовой генералу докладывает.

— Как ты думаешь, кем могли быть эти люди?

— Не знаю и знать не желаю.

— А с политиками ваша группа встречалась?

Окончание. Начало см. № 44—45/92.

— Нет. Я политической деятельностью занимался до того, как в группу попал: плакаты развешивал, листовки распространял.

— А ваша группа не собиралась поддерживать каких-то определенных политиков или партию?

— Нам говорили: на самом деле вся эта грязная политика России не нужна. Мы в принципе должны помочь патриотическим силам, которые вскоре придут к власти.

— Предположим, это произошло. Задача выполнена. Что стало бы с группой?

— Нас бы всех хорошо пристроили.

— Почему же ты в таком случае ушел из группы? Или не веришь в победу «патриотических сил»?

— В победу верю. А в этих людей не верю. И в группу не верю.

— Но ты же зачем-то вступил в нее?

— Я хотел справедливости. И был готов на все. Но то, что делала группа, мне разонравилось.

— Что именно?

— Я так понимал задачу группы: мы собрались вместе, чтобы помочь здоровым силам остановить развал России. Но мне никто так и не объяснил, как именно нужно спасать Россию! Ну стрелять в молдавских полицейских или в грузинских гвардейцев. Убрать несколько внутренних врагов. Кому-то морду набить, кому-то квартиру поджечь или машину взорвать... А дальше-то что?

— Ты задавал этот вопрос своим начальникам в группе?

— Еще бы!

— Каким был ответ?

— Можно сказать, что никакого. Так, с угрозой: «Ты что же, сомневаешься в нашей правоте?» Я таких разговоров не люблю. Со мной так разговаривать не надо. Я не против того, чтобы убирать врагов. Но я хочу быть уверен, что передо мной действительно враг.

— А остальные что говорили?

— Ребята просто как на придурка смотрели. Они уже втянулись в это дело, другой жизни не знают и по-другому не могут.

— Но разве, когда ты вступил в группу, тебе не было ясно, что ее главная задача — террор?

— Мы должны были лишь ответить террором на террор.

— На чей террор вы должны были ответить?

— На террор против русского народа.

— Кто же этим занимается?

— Это мы с тобой уже обсуждали — русофобы, внутренние и внешние. С ними надо бороться. Но в последнее время группа на другое перешла.

— На что?

— Стали добывать деньги и обо всем забыли. Группа в банду превратилась.

— Каким путем добывались деньги?

— Неужели ты не знаешь, сколько есть способов убедить человека отдать деньги, особенно если у тебя в руках оружие?

— На что уходили деньги?

— А кто же мне об этом скажет!

— Неужели вам совсем ничего не говорили?

— Надо еще, чтобы я поверил тому, что мне говорят... Наш начальник «вольво» себе купил, потом дачу.

— Дачу?

— И какую! Двухэтажную, каменную, с банькой и гаражом. Такие теперь только на валюту продаются.

— А как же конспирация?

— Он дачу на чужое имя купил. Нам сказал, что дача нужна для дела. Только я эти дела видел — как они там развлекались. Нам старались денег в руки не давать, а сами гуляли на полную катушку. В Грецию на две недели с женами ездили. Начальник наш стал вести себя как пахан. Распоряжался нами, будто мы у него крепостные. Сарай ему летом строили, огород вспахали. Я ему машину ремонтировал и баб возил.

— Я его как-то по-другому с твоих же слов представлял.

— Он после Приднестровья переменялся. Когда там перемирие установилось, он, по-моему, с тоски чуть не повесился. Первый месяц вообще не просыхал. Его же хлебом не корми, только дай пострелять в кого-нибудь. Остался без дела, стал гулять, бардак устроил со своими помощниками, вот ему деньги и понадобились. И я за них должен жизнь класть? Я им верить перестал.

— А другие?

— Гулянки не все видят. Я-то как шофер был нужен, поэтому многое видел.

— А те, кто знает больше твоего, почему же не уходят?

— Куда им особенно уходить? Это мне все сойдет с рук, на мне ничего нет. А на ком кровь? Поймают — посадят. Вот и весь выбор: или сдаться и попасть за решетку, или остаться в группе и продолжать все то же самое. Так что они теряют, оставаясь в группе? Хотя тяга к спокойной жизни у всех есть.

— Вы между собой говорили об этом?

— Нет, но понимаешь же, что с людьми делается. Некоторых из них

в Осетии и в Приднестровье боялись как дьяволов, а они и сами всего на свете боятся. Им там легче было, чем здесь. Там они были на месте. А здесь от тоски и страха доходят. Они так долго живут в группе, что уже совсем плохо разбираются в том, что в мире происходит.

— Боятся, что их скоро поймают?

— Да, только у нас в стране их ловить некому. Правительство беспомощное, говорить может, а действовать — слабо.

— В какой момент ты твердо решил уйти?

— Это не в один момент решается. И оставаться неумоготу, и уходить страшно. Этой весной меня много по стране гоняли, чуть не каждую неделю куда-то ездил.

— С какой целью?

— Возил посылки в разные города.

— А что в посылках?

— Вот уж чего никогда не спрашивал. Меньше знаешь — лучше спишь. Может, деньги, а может, оружие. Сейчас оно валом валит из Средней Азии. Везут прямо на самолетах. У них там и Афганистан под боком, и наши военные торгуют.

— А кому передавал посылки?

— Оставлял на вокзале, в камере хранения. Вот на этих вокзальчиках меня такая тоска брала. У всех людей нормальная жизнь, а я... Потом в группе решили одну контору ограбить — нужны были деньги. Я должен был угнать машину, чтобы их

Рисунок Евгения Синчинова

привезти и отвезти. Я отказался.

— А как объяснил?

— Сказал, что по идеологическим мотивам в ограблении участвовать не могу.

— Что твои начальники?

— Я стал неполноценным членом группы. Меня держали только на хозяйственных работах. В моем присутствии никаких планов не обсуждали. Оружия у меня не было, но за мной всегда присматривал дежурный, а он всегда с оружием.

— Почему они не выставили тебя, раз ты им стал не нужен?

— Во-первых, я их всех знаю, зачем же им меня отпускать. Во-вторых, они меня как водителя использовали. Два месяца назад ночью разбудили, посадили за руль — «вези!».

— Куда?

— Спрашивать-то нельзя. В багажник они две тяжелые сумки положили, и я решил, что едут на акцию, а меня взяли, чтобы кровью или ограблением замазать. Тогда бы уж я точно от них никуда не делся.

— И как же ты поступил?

— Когда на шоссе выезжали, в поворот не вписался. Машина в кювет опрокинулась.

— А с тобой что?

— Все синяками отделались, а я хуже всех пострадал. Назад идти не мог, две недели провалялся. Зато в акции не участвовал.

— Они сообразили, что ты аварию инсценировал?

— Не знаю, что они там думали. Но только, пока я на койке валялся, понял: пора окончательно решать. Или быть вместе со всеми, или уходить совсем.

— Как же ты выбрался?

— В принципе в трех километрах автобусная остановка. Автобусом до города, там на электричку и в Москву. Но трудно было за забор выйти, потому что за мной следили, а у калитки всегда охранник. Я тоже раньше дежурил, потом меня отстранили. Один раз, когда все заняты были, вышел. Через полчаса на шоссе догнали. Тут уже в военнопленного превратился.

— Не били?

— Немного. Держали взаперти. И думали, ясное дело, как от меня избавиться. Но я их опередил. Ночью дом поджег. Когда они разбегались, им не до меня было. Но я все равно на всякий случай не к городу пошел, а в другую сторону, к совхозу. Под утро попытка остановилась. Днем я во Владивостоке был, а в Москве на следующий день.

— Ты живешь под своим именем?

— Своего у меня давно нет. В группе у меня были хорошие документы, но, когда ушел, пришлось с ними расстаться. Но я нашел умелого человека. Он мне заготовил новые документы. Скоро отменят прописку, тогда вообще паспорт не будет нужен. Но я тебе скажу, что и сейчас жить можно без документов. Я же не в министерство устроился.

— А где ты работаешь?

— В первые недели торговал на рынке, хотел освоиться среди людей. Потом опять сел за руль. Нанимаюсь в разные фирмы, вожу товар. Тачка у меня своя.

— Откуда? Купил? На какие деньги?

— Я же в группе не зря год пробыл. Платили неплохо. Ну и, уходя, кое-что захватил.

— Украд?

— Взял — в порядке компенсации за мои душевные страдания.

— Это их могло сильно разозлить.

— Пожар был. Они во двор в исподнем повыбегали. А я аккуратно денежки забрал и оружие прихватил.

— И запросто купил машину?

— Тогда она еще триста тысяч стоила. Я дал наличными, мне ее к дому подогнали — уже с номерами. Сервис!

— Так и будешь жить под чужой фамилией, с фальшивыми документами? И в страхе, что тебя рано или поздно найдут?

— Да я все равно счастлив, что ушел! Я просто немного отвык от

нормальной жизни. А вот в группе я боялся по-настоящему: потому как в любой момент могли меня отправить черт знает куда, где стреляют и убивают. Вот когда я понял, от чего избавился, тогда вздохнул с облегчением.

— Что мне делать, если ко мне обратятся сотрудники госбезопасности, которые захотят с тобой познакомиться?

— Ничего.

— Но они потребуют помочь им найти тебя.

— А как можешь им помочь? Мы с тобой сейчас договорим и разойдемся. Ты даже не можешь вспомнить мою фамилию, хотя мы учились с тобой в одной школе. Здесь так темно, что ты вряд ли потом узнаешь меня на улице. Так что мне беспокоиться не о чем.

— Ты хочешь посоветовать своим бывшим товарищам по группе последовать твоему примеру?

— В общем, да. Сказать им: сдайте оружие и сдавайтесь сами — я не могу. Это глупо, потому что невыполнимо. Кто же добровольно признается в чем-то опасном? Но выйти из группы — самое время.

— Думаешь, кто-то последует твоему примеру?

— Я, конечно, не очень на это надеюсь, но вдруг... Меня беспокоят пацаны, которые бредят оружием. Есть такие. Еще в армии не служили. Дай в газету объявление — и прибегут, если пообещаешь им оружие и увлекательную жизнь в подполье.

— Ты доволен новой жизнью?

— Не знаю, еще не распробовал. В принципе уйти и начать жизнь заново трудно. Но я не так много прожил в группе, еще не совсем оторвался от обычной жизни. Там есть ребята, которые совсем утратили простые жизненные навыки. Вот они не знают, как сумеют уйти.

— Нервничаешь?

— Новый страх появился.

— Перед чем?

— Да что бывшие товарищи найдут и прикончат за «предательство». У меня есть вполне реальная перспектива получить пулю от друзей по группе.

— Ты думаешь, они тебя ищут? Предатель должен понести наказание?

— Я не предатель, я никого не выдавал. Имен не назвал. Я просто ушел. Да я, если честно, не знаю, кто из них что сделал, такие вещи-то никому не рассказывают.

— Как распорядишься пистолетам, которые ты мне показал? Собираешься отстреливаться?

— Продам. Зачем с пистолетом таскаться? Не дай бог, пристрелю кого-нибудь с перепугу и сяду. У меня все равно нет шансов, если меня наши выследят.

— Это реально?

— Пока не наши, как видишь.

Враги наши меньшие

Вячеслав Басков

Наши животные попадают в совершенно нелепые истории.

Каким-то странным и необъяснимым образом советский человек, не сумевший устроить человеческую жизнь для себя, получил ничем не ограниченную власть над животным миром. Он не боится тигров, носорогов, крокодилов, львов, волков, медведей — всего, что больно кусается, царапается, рычит, — и даже управляет этим

**Если пустить
Брижит
Бардо
на нашу
бойню...**

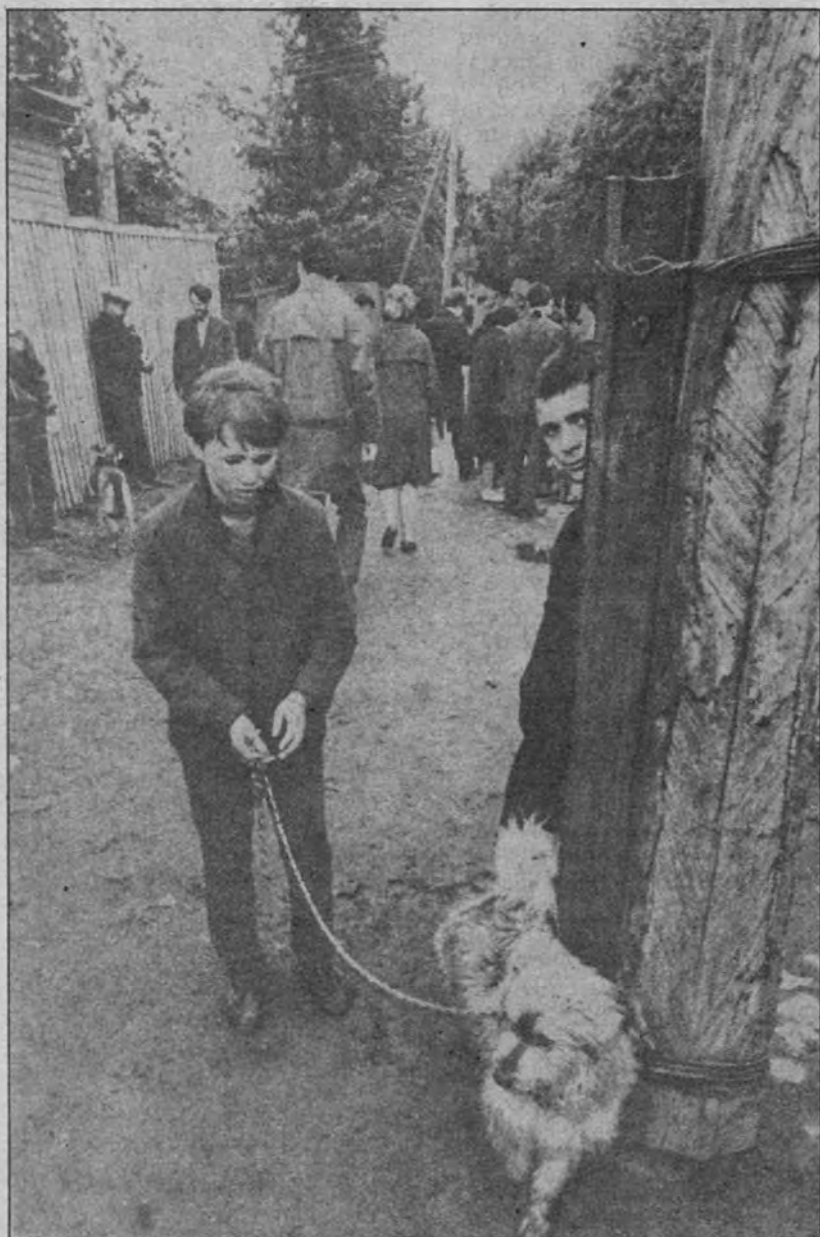

Фото Юрия Ростя

неуправляемым классом. Больше того, вся фауна исправно веселит унылого советского человека в цирках и театрах зверей, хотя призвание этой фауны, как я понимаю, совсем другое. И если бы фауна там, веселя, то и дело не умирала, с этим видом искусства можно было бы примириться. А то время от времени до нас доносятся глухие слухи о жестоком обращении со зверями в цирках; тут недавно заговорили о том, что в прелестном Уголке Дурова морж в воде подавился рыбой, но никто об этой закулисной истории опять не узнал. Как же так? Если артист помер, он достоин некролога...

Что же касается зверей и птиц, для сцены профнепригодных, то повороты в их судьбе случаются и вовсе из-за любого советского человека: кто на пути встретится, тот и сделает, что ему в данный момент заблагорассудится.

Словом, неукротимый советский человек вознесся над природой очень высоко, так что вернуться на свое место в мире животных ему мучительно трудно чисто психологически. Это для него все равно что несправедливое увольнение с работы. Ему когда-то внушили, что все животные — это «братья наши меньшие», вот он и ощущает себя «старшим».

Карпентер

Ранним утром в субботу в кулинарии на Новом Арбате были куплены три карпа. Продащица вынула их из холодильника, засунула в бумажный пакет, взвесила. Покупатель пришел домой, положил пакет в холодильник и занялся субботними делами. Вечером, часов в полвосьмого, он все-таки решил, что карпа нужно разделать. Достал пакет из холодильника, разложил карпов на столе, взял нож — и вдруг увидел, что один из трех, самый маленький, жив. Дышит! Двигаются жабры!

Немедленно началась борьба за жизнь. Карп был помещен сперва в кастрюлю с водой, потом в ванну. Примерно через полчаса он уже вовсю плавал. Когда в ванную заходил человек, карп принимался тотчас весело кружить и однажды даже выпрыгнул из воды, изогнувшись всем телом, и, падая, озорно ударил хвостом, пуская брызги!

Хлеба карп не ел. Не ел геркулеса, морской капусты, мяса. Он не ел ничего. Просто плавал и плескался.

Наутро побежали в зоопарк за советом и едой. Аквариум в Московском зоопарке оказался закрытым на ремонт, да и где он находится, выяснить не удалось, потому что на территории воскресного зоопарка служителей нет, спросить, где что, не у кого. Зато в террариуме добрые эмсеводы дали для карпа своего питательного комбикорма.

Карп от комбикорма отказался. Он только очень радовался приходу людей и

особенно откликался на имя американского космонавта Карпентера, а на Карпушу, Карпова, Фишера, Карповича демонстративно не реагировал. Только скажешь: «Карпентер!» — и пошел по ванне кругами, поднимая волны!.. Но Карпентер ничего не ел. И в ночь с воскресенья на понедельник, часа в четыре, тихо уснул.

Он был погребен со всеми подобающими почестями. В отличие от тьмы своих бесправных братьев он умер в своей стихии и своей смертью.

Черепаша

Одна молодая девушка, начитавшаяся романов и мечтавшая о красивой и изысканной жизни, часто встречала в книгах упоминания о «черепашьих заколках», «черепашьих шкатулках» и прочих изделиях декоративно-прикладного искусства из черепахи. Начитанная особа пошла в зоомагазин, выбрала черепаху покрупнее, которая ползала в аквариуме медленнее всех, принесла домой, положила в кастрюлю с водой, воду вскипятила, сварила черепаху, потом вынула из кастрюли, остудила, вычистила панцирь и в итоге за какой-нибудь час получила очень любопытную штучку из натуральной черепахи.

Правда, черепаховый панцирь, тщательно выскобленный (что было, признаться, нелегко, потому что, оказывается, живая черепаха всеми своими внутренностями прикрепляется к панцирю), прелестная шкатулочка ручной работы — отдавала... рыбой. Но, после того как шкатулочку протерли духами, запах рыбы исчез. Однако ненадолго. На завтра шкатулка все равно пахла рыбой. На нее ушел чуть не весь флакон духов, а запах оставался! И месяц спустя шкатулка источала крайне неприятный запах заживо сваренного животного!

Да, собственно, и класть в эту шкатулку сережки, колечки и брелочки было неудобно, и доставать как-то не с руки. Не шкатулка, а мука мученическая! Девушка погоревала, погоревала и выбросила черепаховый домик в мусоропровод.

Соловей

На птичьем рынке продавался соловей — маленький, безобразный такой. Птицелов авторитетно заверил, что пока песен от него ждать нечего, потому что он, во-первых, еще молодой, а во-вторых, не тот сезон. Но на будущий год обещал

все неземные радости от совместной жизни с этой самой певчей птицей.

Птичку принесли домой, кормили и поили целых две недели. Она росла. Тут пришел в гости какой-то знакомый, его, разумеется, повели сразу к клетке, чтобы показать нового члена семьи. Но знакомый опытным глазом определил, что это воробей. О ужас, обыкновенный воробей! Все-таки газеты совершенно правы, когда предостерегают совершать покупки на птичьем рынке: там же сплошной обман!

Птица в клетке вызвала лютую ненависть. В наказание не птице, птица тут как раз ни при чем, а своему ребенку, который не слушается матери и вечно хнычет: купи ему то, купи другое, — мать вынула проклятую птицу из клетки, перебила ей крылья ножом и вышвырнула в форточку к чертовой матери!

Алиса

Любимая такса Эльга заскукала. Прямо-таки затосковала в одночасье. Съела, что ли, чего-то не то? Врач сказал, что такса — существо охотничье и оно просто нуждается в охоте, особенно если порода выражена чисто. Эльгу повезли за город. Кидали палку, бегали наперегонки — дома умница такса смотрела с упреком: вы обманули меня, это была не охота... Когда собака горюет, даже работать становится невозможно.

Поехали на птичий рынок. И надо же такому случиться: именно в это воскресенье там парень продавал живого лисенка. И недорого! Хорошо было и то, что лисенок оказался крошечным, — он не причинит Эльге никакого вреда. Правда, от него совершенно несносно воняет, но, может быть, дома удастся выкупать?

Животных даже не успели сравнить: Эльга почувала запах лисы, когда еще несли сумку во дворе. Тихо спавший на дне сумки лисенок Алиса выпрыгнула прямо в пасть из-

менившейся Эльги: она вела себя, как тигрица! Она рычала, трепала щенка, таскала его по квартире, залила кровью ковер, диван, покрывало, когда волокла лисенка под кровать, как в пору.

Перед неминуемой смертью озверел и лисенок. Сжигая противника своим горящим взглядом фосфорно-зеленых глаз, он лапами и зубами вцепился в морду Эльге. Эльга! Эльга! Бедная наша...

Ах ты мразь! Лиса проклятая! Еще царапается! Души ее, Эльга! Души здесь! Хватай сюда! Скорее йоду, ваты, бинта! Оставь, Эльга, потом! Потом еще дадим — сначала перевяжем тебе рану на лице...

Лисенок забился в угол под кровать. Чем его кормить? Завтра же Эльге снова понадобится охота. Бросили ему куриной требухи. Он схватил и спрятал под себя. Глаза из-под кровати горят, а как только полог покрывала приподнимаешь — из темноты рычанье и тьяканье. Эльгу на кухне перевязали, накормили, она поела с аппетитом.

Ночь прошла бессонная. Эльга делала вид, что засыпает, но ловила любой шорох из спальни. Под утро Эльга решительно пошла к дверям спальни. Ее уговаривали поспать еще — не помогало. Она шнырляла по комнате, ползала на животе, подкрадывалась к невидимому врагу, вдруг начинала идти на цыпочках... Центром ее внимания оставалась закрытая дверь в спальню. Там неизвестно что делала Алиса. Конечно, ее тоже жалко, но как теперь к ней подойдешь? Это же не собака — настоящий хищник. Как у нее жутко горят глаза! А какая вонь идет из спальни!

Утром дверь открыли. Эльга поняла, что теперь охотиться можно. Необычайно красиво изогнув свое низкое коротконогое тело, она вошла в запретную спальню на своих неподражаемых цыпочках. Но охота отменилась: Алиса лежала дохлая. Эльга фыркнула безразлично.

Алису достали половой щеткой. Ее мертвая морда была ну точно как на горжетках, ну, точно: эти остекленевшие глаза, полуоткрытая пасть с мелкими зубками...

Мурка

Один пенсионер проснулся от кошачьих визгов под окном. Терпел он, терпел вопли, шикал, шикал — ничего не помогало. Тогда он вышел во двор посмотреть, чего орет.

Фото из журнала «Нэшнл джеографик» (США)

Он увидел облезлую дворовую кошку Мурку с выколотыми глазами.

Он не знал что делать, только понял, что дальнейшая жизнь Мурки обречена на неслыханные страдания. Он взял ее за хвост и ударил головой об угол дома. Убил ее, чтобы не мучилась больше.

Но не перенес этого и сам: через полчаса его увозила с инфарктом «скорая помощь».

Брут

У человека украли пса по кличке Брут. Брута искали, ходили по дворам, кричали. Естественно, повесили объявление, на которое не последовало ответа... Примерно месяц спустя хозяин собаки пошел на колхозный рынок и вдруг увидел, что парень продает шапку из шкуры его Брута. Он узнал эту шкуру, этот необычный, неповторимый окрас!..

Кто говорит, что хозяин не выдержал и получил на месте разрыв сердца, кто — что просто потерял сознание. Однако для всех одинаково ясно, что на собак в городах охотятся. Есть люди с нереализованными охотничьими позывами. Разумеется, из своего незапрещенного ремесла они извлекают не только одну радость, но еще и некоторую выгоду.

Племя младое

Вы никогда не обращали внимания, что у самых страстных любителей собак — собаководов — всегда почему-то молодые собаки? Такие поджарые, игривые, энергичные? Их ставят в пример всем другим.

Выяснилось, что очень многим собаководам наплевать на лирические отступления о любви к собакам, о верности собачьей и тому подобном. Для них главное, чтобы собака рожала. Собака рождает от силы шесть лет. По два раза в год. После шести лет кобеля и суку, не способных больше к полноценному детопроизводству, собаководы выбрасывают. Иные же наладили бизнес: продают их скормщикам. Вот откуда нескончаемый поток шапок из собачьей шкуры не только на колхозном рынке, но и в государственных магазинах.

На котлеты, пельмени, колбасы

В Российском обществе покровительства животным так любят животных, что не убивают даже мух и тараканов. Общество располагается в глухом и тесном подвале жилого дома во 2-м Непалимовском переулке.

Земский ветеринарный врач Ольга Казанцева знает много исто-

рий из жизни советских животных. Она тут и терапевт, и хирург, и окулист... Ей приносили сенбернара, которого облили бензином и подожгли; дворнягу, которую пьяный хозяин изрезал ножом и даже вырезал кусок шерсти со спины; повешенного на ремне эрдель-терьера; кошек, которым в задний проход обычно вставляют жгут и поджигают; собак и кошек, которым на спор отрубают лапы...

Москвичи имеют дело в основном с собаками и кошками. Судьба огромного числа представителей местной фауны складывается прекрасно: они живут в квартирах припеваючи. И все-таки судьба советского животного превратна. Вся жизнь в стране устроена так, словно бы животных попросту не существует, за исключением тех, производство которых поставлено на конвейер — для котлет, пельменей, колбас, консервов...

Это очень интересное явление, которое, впрочем, не кажется ничуть удивительным десяткам миллионов людей. Животные нужны для еды, а не для того, чтобы они нас объедали! С недавних пор на Российском радио пошли передачи о любви к животным — так вот, после таких передач в общество покровительства животным звонят люди, главным образом почему-то женщины, и с гневом говорят, что всех собак и кошек давно пора ликвидировать, эти твари много едят, а нам самим есть нечего. Кошунственно писать, но животные действительно любят хорошо поесть. И никуда не исчезающий советский человек не возражал бы, чтобы весь животный мир вокруг был уничтожен. От него никакого толку!

На этот счет в обществе покровительства животным существует твердое мнение, будто отношение к животным отражает положение дел в стране. Люди озлоблены и вымещают зло на животных. Это логичная теория, но дело в том, что и раньше, за много лет до перестройки, любая статья в газете или журнале о зверском обращении со зверями вызывала поток писем, требующих принять все меры к уничтожению живности. Эту обязанность возлагали на государство, которое советскому человеку представляется всеисильным.

С тех пор ничего не изменилось. Советский человек всерьез считает себя управителем животного мира: или его истребителем, или, наоборот, покровителем и защитником. Вот и общества так называются. Между тем животные совершенно не нуждаются в покровительстве человека.

«Участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества пред скотом, —

писал Екклезиаст много веков до нашей эры, когда, казалось, было еще рано о животных заботиться. — Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?»

Мне тоже кажется, что они движутся в одном направлении.

Божья субординация

Поэтому самое лучшее — относиться к животным как к равным. А еще лучше — чувствовать их превосходство, и это будет вернее. Кошку, которая много лет прожила в Москве, повезли в Германию. В первый день она ничего не понимала из того, что ей говорят. На третий день она великолепно понимала язык Гёте. А собаки — те просто полиглоты. Человек же учит языки десятилетиями, иногда всю жизнь.

Животные: кошки, собаки, ежики, мыши, воробьи, комары, тараканы — все прекрасно понимают человека. А человек животного не понимает. Мы для них открыты, а они для нас — за глухой стеной. Животные так прекрасно устроены, что не нуждаются в словах. Например, собаки читают мысли человека по глазам. Это вам подтвердит любой обладатель собаки. А мы умеем так? Даже муж с женой, прожившие вместе тридцать лет, нуждаются в словах, чтобы объяснить свои мысли. Но ведь чтение мыслей без слов — это способность мгновенного получения информации. Ради этого человек вынужден был изобрести компьютер, радио, телевидение и разные прочие приспособления, на-

чиная, пожалуй, с книги.

О чудесных способностях кошки лучше меня расскажут ученые, но даже то, что видят простые люди — лукавство, беспримерная ласковость, которая лучше всяких лекарьств освобождает человека от нервного стресса, мудрость, чистоплотность, — посягать на это гвоздем и жгутом?!

Так нуждаются ли животные в нашем покровительстве? В этом нуждаются многие люди. Особенно те, кто работает бойцами на мясокомбинатах и разделывает коров, не убив их, еще живых; кто продает в магазинах живых безгласных рыб; кто истязает животных во имя высокой науки; кто занимается дрессурой с кнутом в руках; кто разводит голубых и неголубых песцов на фермах, чтобы шить из них шубы; кто не дорожит нежными куриными жизнями на птицефермах и превращает их в сине-черные замороженные трупы, сведенные ужасной судорогой... Жалость вызывает дремучий советский человек, которому с самого раннего детства внушили бредовую мысль, будто он на земле один. Он не понимает, что животных нельзя убивать живыми, ставить это дело на конвейер. Животные прекрасно чувствуют, что их ждет смерть, ужас охватывает их — и идет мощный выброс адреналина. Их мясо, в сущности, отравлено, это нездоровый продукт. Кто знает, не последствия ли потребления мяса, птицы, рыбы, которых уничтожают варварски, — все то, что происходит у нас? Советский человек упорно чего-то не понимает. Если западные люди чем и отлича-

ются от нас, так это большей скромностью. Им, видимо, очень рано объясняют их место на земле и божью субординацию. Животные проживут и без нас, для них тут все готово. А вот человеку приходится создавать себе среду обитания.

Всюду, даже в Африке, существуют общества защиты животных. Кроме названия, они не имеют ничего общего с нашим.

Вот приедет Брижит Бардо...

Вот у нас на улице прохожие видят, что бедная ворона запуталась в проводах. Какой-то добрый человек набирает «02» — милиция дает телефон общества. Звонит в общество. А общество — в подвале, в нем пять слабых женщин, в помине нет никаких оперативных бригад для спасения животных, нет, само собой, ни одного автомобиля... Нет ничего. Общество только любит животных и раз в неделю продает корм для собак и кошек, приготавливая пищу тут же, в подвале...

В День города в Москве на площади у Моссовета на лошадях катили ребятишек. В толпе оказалась иностранка, западная корреспондентка. Вдруг она заметила, что у одной лошади, имевшей самый добродушный вид, слегка стерта холка. И коневод надел на эту холку седло! Иностранка вырвалась из толпы, запретила коневоду измываться над бедным животным, потребовала немедленно седло снять и отправить лошадь лечиться! Коневод послал корреспондентку на три буквы. Корреспондентка, активист своего общества, в ответ пообещала пожаловаться самой Брижит Бардо, которая сумеет найти управу на истязателя животных!

Советская общественность со злорадством следила за побегом двух дельфинов из крымской лаборатории в Турцию. Российское общество покровительства животным выступило с категорическим требованием не возвращать беглецов на родину! Но мы ничего об этом не услышали. Нам показывали демонстрации в защиту дельфинов в Турции, Англии, Америке — только не у нас. У нас таких демонстраций и не было: некому было созвать, некому пойти.

И на бойни не пускают наших великих защитников животных, и на фермы, и за кулисы звериных театров... Вот если только Брижит Бардо приедет и чего-нибудь добьется. Решительная, говорят, женщина! Перед ней президенты трепещут. Еще бы — она возглавляет такое общество! Да по одному ее призыву поднимутся люди, которые прекрасно понимают, что их жизнь сплетена со всем живым на земле. Только наши люди останутся спокойны, потому что они этого не понимают.

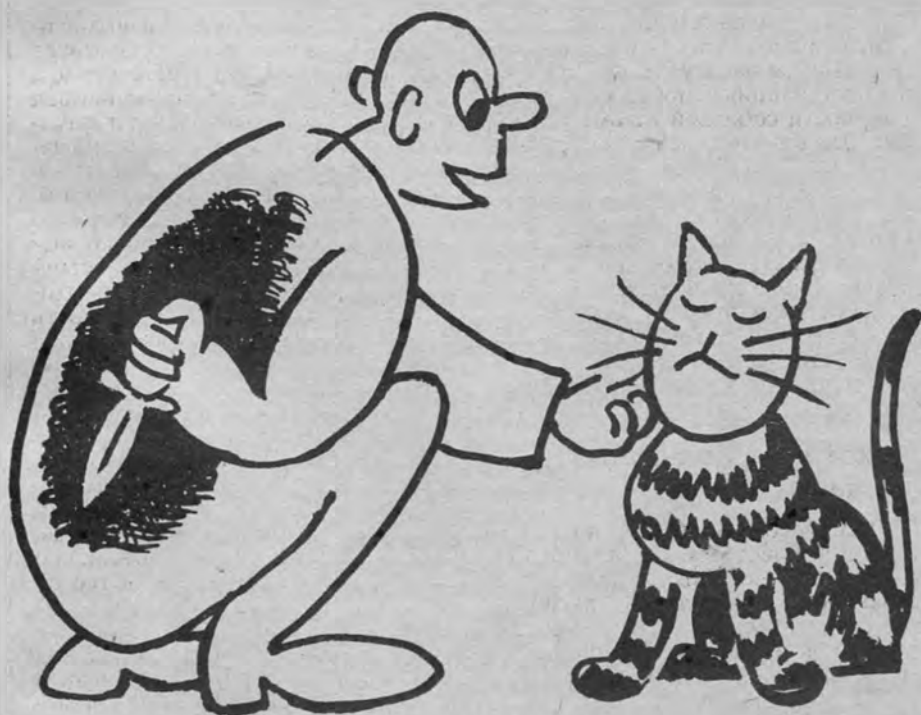

Рисунок Александра Маслаева

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Борис Петрович Вышеславцев. Еще одно из возвратившихся недавно на родину русских «философских» имен. С тех пор как в начале 20-х годов Вышеславцев вместе со многими другими русскими мыслителями был обречен на изгнание, его труды оставались на родине почти неизвестными. В этом смысле ему повезло меньше, чем, скажем, Н.Бердяеву или С.Булгакову. Отчасти, возможно, потому, что наиболее заметные работы Вышеславцева, написанные на родине, увидели свет сравнительно поздно — накануне первой мировой войны. Много вре-

мени занимала педагогическая работа — он был профессором философии права Московского университета. К публицистике Борис Вышеславцев до 1917 года обращался мало, но вел весьма активную исследовательскую работу.

Помимо философии права его увлекали и другие философские и научные дисциплины: этика, социология, аналитическая психология, история социальных идей. Обращался он и к конкретным общественным проблемам современности. Первой работой, которая и сделала Вышеславцева имя, была вышедшая в 1914 году в России «Философия Фихте». Последующие крупные работы Вышеславцева, выходили уже за рубежом: «Человеческое сердце в индусском и христианском мистицизме» (1929 г.), «Этика преображен-

ного Эроса» (1932 г.). Эти работы вышли в Париже в издательстве «НМСА», где первые годы пребывания в эмиграции Вышеславцев работал. Опираясь на традиции русского либерализма, Вышеславцев изучал и западную социальную философию. Наиболее близкой оказалась философия солидаризма, которую во Франции представляли Дюги и Дюркгейн, а в России Максим Ковалевский. Работа в этом направлении после второй мировой войны сблизила мыслителя с представителями Народно-трудового союза, продолжившего линию солидаризма. Издательство НТС «Посев» выпустило в свет несколько работ Бориса Вышеславцева, в частности книгу «Философская нищета марксизма» (она держала три издания).

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

Сегодня мы знакомим вас с фрагментами из книги «Кризис индустриальной культуры», вышедшей в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке в 1953 году, незадолго до кончины ученого. Отрывки из главы «Смысл и ценности демократии» мы печатаем с любезного разрешения журнала «Посев».

Власть, право и справедливость

Борис Вышеславцев (1877–1954)

Труднее всего взвесить и заметить ценность тех вещей, среди которых протекает наша ежедневная жизнь, к которым мы привыкли, которые сами собою разумеются. Такова ценность воздуха и воды, такова же и ценность права. Мы ценим эти блага всего более тогда, когда мы их лишены. Если демократия есть правовое государство, то ясно, почему ее ценность многими не замечается: право тем более совершенно, чем более оно незаметно в жизни, чем меньше оно сковывает нашу жизнь и нашу свободу, чем легче оно соблюдается. Государство тем более совершенно, чем меньше оно властвует над нами.

Прежде всего смысл (демократии) состоит вовсе не в том, что демократия есть наилучшая форма власти (или) наилучший способ выбирать властителей. Термин «демократия» в этом смысле совсем не выражает ее сущности: «власть народа» можно так же критиковать, как и всякую другую власть. Народ может быть таким же тираном, как и всякий единоличный деспот. Нельзя также определять и защищать сущность демократии как власти большинства. Вообще власть, и только власть, форма властвования, не раскрывает сущности демократии.

Сущность и смысл демократии раскрываются через понимание идеи справедливости как особой задачи, которую она, и только она, себе ставит и с известным приближением — иногда весьма несовершенным — решает. Сущность демократии нужно искать в праве, а не во власти; точнее, в особом сочетании, в особом взаимопроникновении права и власти, потому что всякое государство есть сочетание права и власти; только в диктаторском государстве это сочетание совершенно иначе осуществляется, чем в государстве демократическом и правовом...

Демократия есть непрерывная правоорганизация народов, правовым образом организованный народ; автономный народ, самоуправление, солидарность, соборность — в этом ее сущность и оправдание. И эта сущность есть самоцель и самоценность и вовсе не должна служить никакой утилитарной цели. Поэтому

никакого значения не имеет критика демократии как непрочной, быстросменяемой власти, как власти, не умеющей побеждать врагов (демократия показала, что она умеет побеждать), или власти, не умеющей насыщать своих подданных. Прочность власти, военная победа, насыщение не представляют собой конечных целей и абсолютных ценностей... Первое и самое поверхностное, что бросается в глаза, можно определить так: диктатура организует жизнь при помощи власти, демократия организует жизнь при помощи права. Однако такое определение слишком примитивно, слишком упрощает дело. Всякая диктатура устанавливает какое-то право и ищет опереться на какое-то право. И, с другой стороны, всякая демократия организует какую-то власть и стремится поддерживать правопорядок при помощи своих форм власти. Дело идет об особом сочетании этих двух начал, власти и права.

Давно уже было замечено философами, что власть и право нераздельно связаны между собой и вместе с тем находятся в постоянной борьбе. Власть всегда стремится сбросить с себя оковы права и всегда получает известную сферу, непроницаемую для права. Право всегда стремится подчинить себе власть, сделать ее ненужной, ибо право есть по своей идее взаимодействие свободных и равных лиц, есть идея безвластной организации...

Власть есть субординация. Она предполагает особое взаимодействие сознательных существ и есть социальный акт и при том двусторонний: акт приказа и исполнения, связывающий слугу и господина, подданного и властителя... Есть два произведения в русской литературе, в которых феномен властвования выражен во всей его стихийной первобытности, во всей жуткости, таинственности и непонятности. Это «Анчар» Пушкина и «Село Степанчиково» Достоевского. У Достоевского власть Фомы Опискина и всеобщее ему подчинение поражают своей иррациональностью: он властвует, несмотря на то что не обладает ни авторитетом, ни силой. Уже здесь совершенно ясно, что власть не совпадает ни с силой, ни с авторитетом, ни с иерархическим преимуществом...

Преимущество силы само по себе никогда не создает власти: мы можем отбросить муравья, раздавить муравья, ударом ноги уничтожить муравейник, но властвовать над муравьями мы никаким образом не можем. Только какая-то особая апелляция к силе при известных условиях создает власть, но отнюдь не всякое насилие... Феномен власти нужно отличать от просьбы, совета, авторитетного указания. Авторитет отнюдь не совпадает с властью: можно обладать высоким научным или нравственным авторитетом (например, Сократ, Будда, Христос) и вовсе не обладать властью. Власть вовсе не совпадает в этом смысле с иерархией...

Отношение властвования и подчинения не есть, таким образом, ни просьба, ни совет, ни подчинение авторитету, ни иерархическое преимущество, ни сила, ни подкуп. Это особое взаимоотношение, оно имеет некоторую свою собственную сущность. Теперь мы должны определить эту сущность положительно. Она состоит в том, что чужое «я» в некоторых отношениях занимает место моего собственного «я», что характерно для феномена внушения. Совершается как бы временная потеря своего «я», самоотчуждение, превращение себя в орудие чужой воли («слушаю и повинуюсь»). При этом для власти существенно то, что повинующийся совершенно не имеет права ставить свое повиновение в зависимость от оценки приказа, от оценки его разумности, целесообразности, полезности...

(Но) дело в том, что абсолютный произвол власти принципиально несправедлив и никогда не признавался правом. Несправедливо подчиняться приказу, независимо от его разумности и ценности. Потеря самости, самоотчуждение, характерное для всякого внушения, не может признаваться правом. Идеал права есть свободный субъект, автономная личность, которая сама рассуждает, сама оценивает, сама выбирает направление действий...

Сущность права состоит в координации, а не в субординации; право прежде всего покоится на принципе взаимности прав и обязанностей... Идея справедливости, символом которой являются весы Фемиды, не признает перевеса властвования за какой-либо волей, она стремится к тому, чтобы одна воля не властвовала над другой, чтобы между ними существовал справедливый обмен услуг, обмен прав и обязанностей... Таким образом, право имеет перед собою идеал безвластной организации.

Идея справедливости не содержит в себе властвования, ибо всякое властвование имеет в себе элемент несовершенства и несправедливости... Чем совершеннее и тоньше организация, тем больше выступает принцип координации действий, тем меньше заметно властвование...

Власть принципиально содержит в себе момент бесконтрольности и произвола, право принципиально не признает бесконтрольности и произвола. Во власти всегда есть в конце концов бесправие. В праве всегда есть безвластие... Трудность решения состоит на первый взгляд в том, что власть и право как будто несовместимы и исключают друг друга. Если бы это было так, решение было бы принципиально невозможно. Однако они обнаруживают не только взаимоисключение, но и некоторое взаимовключение. Они поистине связаны неслиянно и нераздельно... Всякая власть предполагает минимум права; всякое право предполагает минимум власти. Прежде всего, это нужно показать со стороны власти. Отношение властвования необходимо и с самого начала принимает некоторую форму права, нормативную форму. Формирование при помощи права представляет собой облагораживание власти, ее сублимацию, и она начинается в принципе тотчас же, как только появляется власть. В самом деле, единичный

приказ и единичное повиновение еще не создают власти: властвует тот, чьи приказы всегда исполняются, т.е. исполняются закономерно, нормально, а не в виде исключения. Иначе говоря, властитель есть тот, кто имеет право приказывать, а подчиненный есть тот, кто обязан подчиняться...

Но как только властвование приняло минимальную форму права, как только началась его сублимация, так тотчас же мы вошли в стихию права, где возможен вопрос о правде и справедливости, о законной власти: имеет ли право этот человек приказывать, и обязан ли я повиноваться? Законная власть, т.е. настоящая и подлинная власть; это та, которую не только я признаю властью, но которую все признают властью. Законный властитель это тот, которому все подчиняются и должны все подчиняться, ибо закон обладает формой всеобщности. Здесь выступает момент социального, коллективного внушения в феномене власти: недостаточно единичного признания и единичной подвластности: не только я сам, но мы

все должны признать власть, имеющей право властвовать, дабы она действительно была властью... Будучи противоположным власти, право все же всегда нераздельно с нею связано... Ведь закон есть императив. Раз закон установлен,

он в своих императивах не допускает оценки со стороны разумности и целесообразности и требует абсолютного повиновения, пока не отменен и не заменен другим законом.

Здесь явное сходство императивов закона с императивами власти: «Хочу или не хочу, нравится мне закон или не нравится, нахожу его справедливым или несправедливым — должен беспрекословно ему подчиниться». Так мы приходим к необходимому моменту власти в праве. Закон предполагает законодателя, т.е. лицо, волю, власть. Но если право есть приказ власти, то это совсем особый приказ, особое ее проявление. Оно, и только оно, делает власть организующей силой, объединяющей силой и потому осмысленной и сублимированной силой. Закон есть первая сублимация власти. Все великие властители и цари были прежде всего законодателями (Соломон, Моисей, Наполеон, Юстиниан). В законе и через закон власть существенно изменяется: она перестает быть произволом и становится всеобщей обязательной нормой... Несомненно, что сублимация власти при помощи права преобразует ее совершенно, делает ее как бы неузнаваемой, и все же момент произвольности и абсолютности остается всегда во всякой власти: будь то власть самого ответственного министра, ограниченного правом и парламентом, или даже полицейского, регулирующего движение на улицах. Никто из проезжающих не ощущает его власть как власть, а, скорее, как службу, и, однако, это самая настоящая власть, ибо она так же, как и власть министра в своих управомоченных актах, подлежит немедленному исполнению со стороны подвластных без всякой проверки и оценки.

Так устанавливается антиномия власти и права, которая представляет собой нечто удивительное: эти два начала противоположны друг другу и вместе с тем связаны неразрывно друг с другом, как северный и южный полюса магнита. Противоположности, как сказал Платон, «связаны концами». Вместе с тем они стремятся поглотить, взаимно подчинить друг друга...

Самое существование этой антиномии показывает нам настоящее основание бесконечных споров о том, существенно или несущественно принуждение в праве; необходима или не необходима власть в социальном строе; наконец, составляет ли мудрая и сильная власть настоящий политический идеал или же этот идеал есть демократическое правовое государство с его стремлением приближаться к безвластной организации.

Всякая власть предполагает минимум права; всякое право предполагает минимум власти

Как же решается эта антиномия? Существует двойное решение. Одно решает в сторону права и справедливости: власть сублимируется правом, властеотношение превращается в правоотношение. Целью власти будет свободная правовая организация, а власть является только средством. Власть служит осуществлению правовой организации. Таково понятие «служебной» власти у Петражицкого в противоположность власти «господствующей».

Но возможно решение и в сторону власти: власть есть цель, право есть средство укрепления власти и осуществления власти. Такое решение мы находим в «Законах» Платона. Для него власть есть самостоятельная ценность, ибо только она организует жизнь при помощи законов... Она хочет вести к истине и добру властно, насильно, гетерономно, без свободы, через принуждение. Это и есть принцип инквизиции «Великого инквизитора» Достоевского, принцип современного коммунизма.

Решение антиномии власти и права при помощи сублимирующей силы права есть решение в духе правового государства, решение, противоположное диктатурному принципу. Оно исходит из принципа автономии личности и приходит к принципу автономии народа, к принципу самоуправления. Оно признает принцип самости и самоуправления в двух его моментах: в форме личного и общественного самоуправления. И эти моменты связаны неразрывно. Но, как только мы скажем: самоуправление, мы вступаем в сферу демократических форм. Идея справедливости сама по себе требует той или другой формы самоуправления, ибо, как мы показали, полное подчинение одного лица другому само по себе несправедливо. Справедливо, чтобы я сам участвовал в создании закона, которому я подчиняюсь. Справедливо, чтобы я сам устанавливал власть и контролировал власть, которой я подчиняюсь. Настоящее подчинение есть лишь такое, которое идет из глубины самости (выражается словами: «не за страх, а за совесть»)...

Точнее сказать, власть нуждается в оправдании, и оно состоит в том, что она служит праву и сама действует в формах права, т.е. организует и поддерживает свободу, а не нарушает ее. Только оправданная власть может быть ценной и нужной; неоправданная власть может стать величайшим злом...

Власть оправдана в демократии, когда она служит нам всем и мне самому. Мы привели пример власти полицейского на улице, который «обслуживает» движение. Власть может быть автономно признанной и управомоченной, когда она является службой авторитетного лица и специалиста, которому «я сам» и «мы сами» даем свободу команды и согласие подчинения, но только в известной специальной и ограниченной сфере и сохраняя за собою право выбора и смены авторитетного лица. Таковы в принципе все власти в демократическом правовом государстве от полицейского и низшего судьи — до министра. Мы передаем сами право распоряжения и решения — там, где не можем, не умеем или не желаем сами распоряжаться и решать. Но это лишь частичная, условная и ограниченная передача. Такова власть капитана, машиниста, пилота; такова же принципиально власть министра в либерально-демократическом государстве. Она не нарушает принципа автономии при этих условиях...

Говорят, что формальная демократия безыдейна, что она не имеет никакого единого мирозерцания и ни во что не верит; предоставляя всем и каждому верить во что угодно и утверждать что угодно, она становится на точку зрения индивидуализма, релятивизма, скептицизма. Но что получается, если отказаться от этого «формализма»? Получается «народная демократия», которая имеет обязательную веру и обязательное мирозе-

рцание, которая не допускает свободного исследования и свободной диалектики. Такая «демократия» убила Сократа и продолжает убивать и подавлять все, что противоречит ее «генеральной линии». Но сейчас это вовсе не «демократия», это тоталитарное коммунистическое государство...

Но если демократия не есть идеократия, то это не значит, что она безыдейна, беспринципна, не имеет права иметь философию, религию, мирозерцание. Этот упрек мы должны решительно отстранить: все это она имела и будет иметь, но только в формах свободы, в формах свободного столкновения мнений и идей, в формах свободного диалога свободных мыслителей. И как раз эти формы есть то, чем может гордиться формальная демократия. Демократия не боится плюрализма мнений, научных теорий, мировоззрений, политических и религиозных верований. Демократия знает, что всякое научное и философское исследование есть диалог, что всякое этическое и политическое решение диа-

лектично, ибо оно взвешивает мотивы за и против (а это и есть сущность диалектики), что истинное решение рождается из высказываний и возражений, из тезиса и антитезиса, что истина всегда синтетична, что она «собирает» разное и разъединенное воедино и

потому соборна...

Социальные преступления обычно совершались для «общего блага» и оправдывались этим общим благом. Христианская идея справедливости не признает, напротив, никакого нарушения прав личности во имя интересов народа, интересов государства, интересов большинства. Величайшей ценностью, завоеванной государством, является ценность неотчуждаемых прав личности, священных прав свободы совести, слова, собраний, союзов, передвижения; неприкосновенности личности вообще. Этим самым индивидуальная личность противопоставлена большинству, государственной власти и пользе — как равноправный и равносильный субъект; ибо носителем правды и истины может оказаться меньшинство, а не большинство, и даже единичная личность. Демократия имеет свою веру и свою философию: философия свободы не есть свобода от философии; идея свободы не есть свобода от идей. Идея свободы отрицает только тиранию идей, насаждение идей насильем и террором. Отрицается тоталитарное государство, диктующее свою «идеологию»; утверждаются идеи и верования, вырабатываемые свободной личностью и свободным народом, а не государственной властью. Свободная диалектика отнюдь не есть релятивизм и скептицизм. В этом Платон и Сократ были правы. Но свободная диалектика ведет диалог с релятивизмом, атеизмом и скептицизмом, будучи уверена, что истина в конце концов диалектически побеждает; и побеждает она в глубине сознания, в сущности, только диалектическим путем, т.е. своим «Логосом», своей истинностью; а не авторитетом, диктатом, насильем. Истина, которая недостижима путем свободы и которая не осваивается, — не есть истина...

Современная либеральная демократия вовсе не везде и не во всем «демократична». Все ее несовершенства указывают на ее «незавершенность», на то, что она должна и может совершить. Принцип самоопределения и самоуправления понятен и близок каждому человеку, ибо это «я сам» и «мы сами». Поэтому демократия обладает огромной популярностью, почти всеобщим признанием. Вот почему тоталитарная диктатура предпочитает скрываться под псевдонимом «народная демократия». «Лицемерие есть дань, которую порок платит добродетели» (Шекспир). Дань уважения к демократии здесь очевидна. Жаль только, что в наше время «добродетель» уж слишком любезна с «пороком» и потому сама впадает в лицемерие.

Тоталитарная диктатура предпочитает скрываться под псевдонимом «народная демократия»

Стакан в окошке

Татьяна
Иванова

**Городские
головы
меняются, а
попить все
равно нигде**

На золотые московские бульвары упал первый снег. А это значит, что от прошедшего лета не осталось ничего, кроме воспоминаний. Что пройдет, то, как всем известно, будет мило... И минувшее лето? Конечно, и оно, хотя жара стояла сокрушительная.

На память о прошлом лете мне хочется послать открытку мэру Москвы Юрию Михайловичу Лужкову. В огромном городе, вверенном попечению Юрия Михайловича, множество проблем. Злые и ехидные люди шлют мэру петиции, заявления, коллективки. А от меня — открытка на память. Может, Лужков давным-давно не получал таких лирических текстов... Может, он мою открытку сохранит... Поглядываю в окно на порхающие снежинки и вспоминаю последнее жаркое воскресенье ушедшего лета.

Было ясно, что Земля все-таки не может не повернуться, осень уже на пороге и неминуемо придет. Мы с сыном гуляли не спеша, наслаждаясь теплом, и домой нам совсем не хотелось. Шагали от самого центра, с Никольской, пешком к себе в Останкино.

Когда-то очень давно один человек подарил мне круглый фарфоровый шарик с маленькой дырочкой в боку. Такая оригинальная перечница. И сказал: «Запомни, даже если кажется, что все хорошо, все гладко и кругло, всегда найдется дырочка, из которой сыплется перец». Вы скажете, что мудрость невеликая. Конечно, вы правы. Но я запомнила. И часто убеждалась в ее правоте.

Итак, мы шагаем, и все очень хорошо, даже слишком. Но... сын хочет пить. На Никольской перец высыпался тончайшей струйкой: я была уверена, что напою сына на Сретенке. Мы были бодры, потому что у меня в памяти хранилась пара продовольственных магазинов, где дают сок, а на крайний случай — «Кулинария», где можно утолить жажду кофе из чайника. Мерзким, конечно, слишком сладким и нис-

колько на кофе не похожим, и теплым — но хоть что-то.

Память меня подвела. Или жизнь переменилась. Но Сретенка надежд не оправдала. «Ничего, — говорила я, — ничего, потерпи: на Сухаревской есть киоск...» Нет больше того киоска.

Мы ступили на проспект Мира и пошлагали. Мы шагали по выжженной пустыне проспекта Мира, прямого, широкого, в сторону бывшей выставки бывших достижений бывшего народного хозяйства, и я только думала: «Господи, слава тебе, что он хочет пить... Если бы он или я хотели... Впрочем, тогда мы побежали бы в какой-нибудь двор. Или поехали бы на троллейбусе на Рижский вокзал, там наверняка есть...» Но мы проходили одну троллейбусную остановку за другой, толпы людей на остановках становились все больше и больше. И тут я поняла, что, пока мы толпаем с Никольской, нас ведь еще ни один троллейбус не обогнал. Полчаса на остановке нашего девятого троллейбуса — и не факт, что тебе удастся втолкнуться в тот, который наконец придет, это теперь у нас норма.

Буфет на Рижском был закрыт не то на перерыв, не то на учет, не то на «приемку товара». И мы потащились через Крестовский мост. Там, за мостом, была палаточка... Но ее больше нет. Еще через квартал, может быть, на улице стоят столики... Но они не стоят. В «Диете» есть прилавок с напитками... Но «Диета» на ремонте. Кафе «Лель»... Но оно закрыто «на спецобслуживание». Торговые ряды у метро «Алексеевская»... Ни у кого никаких напитков (санитарный врач запретил продавать их самостоятельным торговцам). Кафе «Белый медведь»... «Санитарный час» с четырнадцати до семнадцати. Гастроном в сером доме (лучший гастроном в нашем районе)... Прилавок с соками и водами ликвидирован...

Ну тут уж недалеко и до дома. Потерпим еще каких-нибудь двадцать минут! Но нет... Мне приходит в голову одна смешная идея. И я тут

же решаю воплотить ее в жизнь. Тот самый дом... Здесь по-прежнему общежитие... То самое окно... Тук-тук-тук... Вдруг это та же самая женщина, только постаревшая (все мы не молоде-ем)... «Извините, что я вас беспокою... Налейте, пожалуйста, стакан воды из-под крана. Такая жара, а мы идем пешком из центра, очень хотим пить, но не могли напиться на всем проспекте Мира...» — «Сейчас-сейчас!» Женщина ненадолго уходит, а потом протягивает моему сыну стакан воды.

Сыну моему шестнадцать лет. А вот когда я была им беременна, так же в летний день мы шли по проспекту Мира с мамой. Гуляли. И было нам совсем хорошо, но перец сыпался тоненькой струйкой: я хотела пить. Я была тогда сильная, молодая, но мама беспокоилась: беременным женщинам не надо терпеть такие неудобства. Точки, где можно было бы утолить жажду, мы с нею не нашли. И она постучала в это самое окошко. И женщина открыла его, сказала «сейчас-сейчас» и подала мне стакан воды. В квартиру мы с нею стучать не решились бы. Но это было общежитие, там всегда много народу... Мамин расчет был верен.

Как все это романтично, правда? Какие милые люди живут в московских общежитиях, как сохраняются преемственность поколений...

Кто был тогда мэром в нашем богоспасаемом городе? По-моему, ужасный Промыслов, что с него взять. К тому же он ничего не решал, потому что фактически власть была в руках у партийного аппарата. Проблема «стакана воды» не сходила со страниц московских газет — критика была острейшей! Потому что больше-то ничего критиковать было нельзя, а это можно.

Вы сохраните мою открытку на память, дорогой московский мэр. Когда моему внуку будет шестнадцать лет и мы с ним также будем страдать от жажды в пустыне проспекта Мира, я еще раз постучу в то же окошко. Интересно, как будет выглядеть та добрая женщина...

Сын человека, почти десять лет единолично управлявшего Советским Союзом, предпочел остаться в Соединенных Штатах вместе с женой. 57-летний **Сергей Хрущев**, который уже год работает в одном американском университете, попросил выдать ему вид на жительство.

Его просьбу из уважения к Никите Хрущеву поддержали Ричард Никсон и Роберт Макнамара, бывший министр обороны США и бывший глава Всемирного банка.

Сергей Хрущев в свое время работал у академика Владимира Челомея, занимавшегося разработкой ракетных двигателей. Кандидат технических наук, Хрущев отвечал за создание систем управления. Его карьере в конструкторском бюро Челомея помешало свержение Никиты Хрущева осенью 1963 года.

Именно Сергей Хрущев усадил отца диктовать мемуары. Опубликованные во всем мире воспоминания Никиты Хрущева — ценнейший источник информации о том, что происходило в Советском Союзе в течение нескольких десятилетий.

Когда мемуары обнаружили, Сергея Хрущева отстранили от разработки ракетных двигателей и перевели в Институт электронных управляющих машин.

В книге «Пенсионер

союзного значения» Сергей Хрущев в полудетективном ключе описал историю свержения своего отца и тайной работы над мемуарами, которые удалось спасти от КГБ и вывезти на Запад.

Надеясь извлечь из мирового опыта что-нибудь полезное для российских реформ, профессор **Герман Дилигенский**, известный российский политолог и постоянный автор «Нового времени», возглавил только что созданный в Москве Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований.

Когда-то молодой ученый Герман Дилигенский увлекался историей Древнего Рима, но быстро перешел к

современным проблемам. Впрочем, знакомство с историей крушения одной империи, вероятно, помогло ему яснее понять причины падения другой, рухнувшей на наших глазах.

С 1963 года он работает в академическом Институте мировой экономики и междуна-

ром из немногих интеллектуальных центров, где всегда хорошо представляли себе истинное положение дел в мире. Автор пяти книг, Дилигенский даже был удостоен Государственной премии.

С началом перестройки он, как и многие ученые-международники, занялся российскими проблемами. В 1988 году стал главным редактором журнала «Мировая экономика и международные отношения», имеющего репутацию солидного академического издания.

Центр сравнительных исследований, как и породивший его Институт мировой экономики и международных отношений, будет заниматься и фундаментальными, и прикладными исследова-

ниями: социальная политика, социальная ориентация экономики, формирование демократической политической системы... Те, кто заинтересован в серьезных практических рекомендациях, справочно-аналитических материалах, могут позвонить по телефонам: 128-17-09 и 128-19-12.

39-летний бизнесмен **Вальтер Болтц**, возглавляющий специализирующуюся на гешифте с Востоком венскую консалтинговую фирму АВТ, в отличие от многих своих коллег из делового мира, которые опасаются российской нестабильности, отсутствия надежной законодательной базы и неопределенности расклада политических сил в России и других странах СНГ, считает настоящий момент вполне подходящим для налаживания взаимовыгодного сотрудничества. По его мнению, именно сейчас, когда зарождается новый хозяйственный механизм и создается современная инфраструктура, для западных предпринимателей открывается благоприятная возможность выгодно вложить свой капитал.

Фирма АВТ осуществляет целый ряд совместных проектов на территории бывшего Союза. Самый крупный из них — конверсионная программа для 10 крупнейших предприя-

Президент — мишень «двух Кимов»

Для 59-летнего президента Республики Корея **Ро Дэ У** его первый визит в Пекин в сентябре мог закончиться трагически. Печать Южной Кореи сообщает, что пятеро прошедших спецподготовку в Северной Кореи диверсантов намеревались убить президента. Северокорейские террористы «замаскировались» под официанток корейских ресторанов и намеревались застрелить Ро Дэ У во время его появления на площади Тяньаньмэнь.

Сигнал о готовящейся акции был якобы получен китайскими спецслужбами от их американских коллег, в связи с чем были приняты беспрецедентные меры безопасности. Накануне визита китайская контрразведка арестовала в Пекине одного корейца, который незаконно проник в Китай через город Дандунь, что на границе КНДР и КНР. У него были изъяты оружие и документы, указывающие на его причастность к готовящемуся теракту. Пекин уже выразил по дипломатическим каналам протест Пхеньяну.

Северокорейские спецслужбы в 1983 году пытались уничтожить тогдашнего сеульского президента во время его визита в Бирму.

Нынешняя попытка покушения на Ро Дэ У со стороны северокорейцев удивительна тем, что Ро Дэ У, как никто другой из его предшественников, стремился наладить межкорейский диалог. Отношения между Сеулом и Пхеньяном заметно охладели после того, как южнокорейские спецслужбы арестовали более 90 северокорейских агентов. Их обвиняют в том, что они создали «тыловую» организацию северокорейской Трудовой партии. Цель этой группировки, финансировавшейся Пхеньяном, заключалась в объединении Кореи под эгидой КНДР к 1995 году. Деятельность Трудовой партии была предельно конспиративной: даже в брак ее члены могли вступать только по рекомендации партийного руководства.

А. Чудодеев

тий Санкт-Петербурга, долгие годы составлявших гордость военно-промышленного комплекса города.

Еще одно большое дело, которым сейчас вплотную занимается венский бизнесмен, — проведение совместно с Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию крупной международной конференции, посвященной проблемам инвестиций и торговли в странах СНГ. Впервые в мировой практике наряду с докладами и выступлениями ведущих политиков и специалистов (приглашения получили Егор Гайдар и чуть ли не все его министры, занимающиеся экономическими вопросами) на форуме будут представлены около 200 конкретных проектов, прошедших предварительную экспертизу и готовых к практической реализации.

А.Ковригин,
собр. корр. «НВ»
Вена

молчания: «Все! Больше никаких контактов с прессой! Каким бы авторитетным ваше издание ни было — я вам ничего не скажу».

Конструктор всемирно известного автомата считает, что пишут о нем не то и не правильно.

В своем слове Михаил Тимофеевич тверд, неотступен. Хотя по характеру, каким его знают друзья, соседи, родственники, человек он довольно добрый, мягкий. К примеру, на днях американские оружейники выслали российскому коллеге гуманитарную помощь. Он все раздал — половину Детскому фонду, остальное — оружейникам-пенсионерам.

Россия от экспорта автомата Калашникова получает миллиарды, сам Михаил Тимофеевич получает зарплату. Однако никуда, никому не звонит, ничего не требует. У него две дочери — Нелли и Лена, сын Виктор — тоже конст-

Шпионы, которые не были шпионами

Когда после открытия советских архивов стало выясняться, что решительно все были агентами Кремля, только один человек, наоборот, перестал считаться шпионом. Через сорок лет, после того как его обвинили в шпионаже в пользу СССР, бывший сотрудник государственного департамента США 87-летний **Олджер Хисс** может считать себя оправданным.

Советник президента России генерал Дмитрий Волкогонов, занимающийся открытием архивов, сообщил, что все обвинения против Хисса были безосновательны.

Дело Хисса было самым громким в 50-е годы, и он считался самым высокопоставленным советским шпионом в Америке.

Он работал в государственном департаменте с 1936 года и был советником президента Рузвельта на Ялтинской конференции. В 1945 году он был временным генеральным секретарем только что созданной Организации Объединенных Наций.

На фото с сан-францисской конференции ООН, которое мы публикуем, молодому еще Хиссу пожимает руку президент Трумэн.

В январе 1950 года один из его знакомых, журналист из «Тайма», заявил, что Хисс — коммунист и работает на советскую разведку.

Громкое дело помогло карьере сразу двух политиков. Сенатор Джозеф Маккарти, возглавивший комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, устроил массовую чистку в государственном департаменте. А молодой конгрессмен Ричард Никсон, накинувшийся на «предателя», начал восхождение к Белому дому.

Кроме показаний бывшего журналиста, у следствия не было никаких доказательств виновности Хисса. Тем не менее его приговорили к пяти годам тюремного заключения. Он отсидел три и вышел на свободу в 1954 году.

С тех пор он безуспешно пытался оправдаться. К счастью, Хисс прожил достаточно долго, чтобы дожидаться счастливого дня.

«Ответным ударом «холодной войны» назвал впоследствии Михаил Горбачев арест 30 августа 1986 года американского журналиста **Николаса Данилоффа** по подозрению в шпионаже. Недели раньше в США по схожему обвинению был арестован советский гражданин Геннадий Захаров, физик, работавший при Секретариате ООН. Захарову грозил срок за шпионаж, и наши «органы», по видимому, решили схватить в Москве первого попавшегося американца, не обладавшего дипломатическим иммунитетом. Этим американцем оказался глава московского бюро еженедельника «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт» **Николас Данилофф**.

Николас просидел в Лефортовской тюрьме две недели, после чего его благополучно обменяли на Захарова.

Прошло шесть лет, историю эту почти забыли. Все, кроме самого **Николаса Данилоффа**, теперь уже профессора, директора школы журналистики Северо-восточного университета в Бостоне. Он вновь приехал в Москву на презентацию собственной книги «Две жизни, одна Россия», только что выпущенной в московском издательстве «Имидж».

В книге — не только воспоминания о Лефортове и журналистской работе в Москве. Автор как бы существует в двух временных пространствах, проследившая судьбу своего далекого предка — декабриста **Александра Фролова**.

Отец **Николаса**, поручик **Данилов**, в свою очередь, сын известного генерала, уехал из России в октябре 1917 года. Обосновался во Франции. **Николас** родился в Париже в 1934 году. С тех пор он носит русскую фамилию с двумя французскими «ф» на конце.

Николас говорит, что не держит обиды на русских, а всю вину за тот неприятный инцидент возлагает на КГБ, который, как он искренне убежден, в прежней форме уже не существует. На свою историческую родину **Николас** отныне надеется приезжать регулярно.

Генеральный конструктор производственного объединения «ИЖмаш», дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской и Ленинской премий, народный депутат СССР шести созывов **Михаил Калашников** дал обет

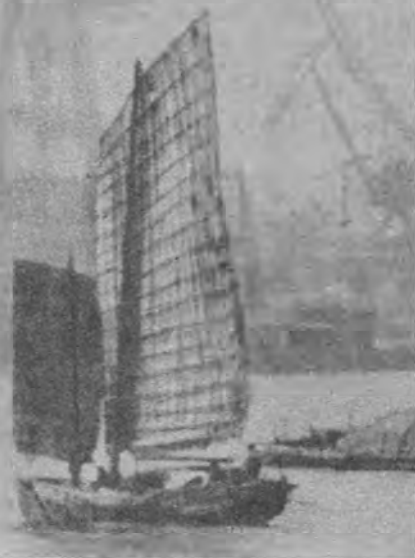
руктор-оружейник (на фото), пять внуков и одна правнучка.

А обет молчания, данный прессе, Калашников все же нарушит — публикацией в «Воениздат» «Записок конструктора-оружейника».

В.Батуев

Русские в Шанхае

Они бежали от Ленина. Они не поддались Сталину. Они научились ладить с Хирохито. Но они не совладали с Мао

Том Крайтон

Русская колония в Шанхае просуществовала с 1922 по 1949 год. Это уникальный период в истории русской эмиграции.

Это были не пираты

Шанхай того времени был одним из самых удивительных городов на земле. В нем жили четыре миллиона человек — самый населенный город после Лондона, Нью-Йорка и Токио. В Шанхае не было ни абсолютной демократии, ни абсолютной тирании. Любой человек мог приехать в Шанхай и обосноваться в нем.

В соответствии с навязанными маньчжурскому Китаю договорами международный селтмент и прилегавший к нему район французской концессии управлялись иностранцами, там не было никаких паспортных ограничений.

Селтмент управлялся шанхайским муниципальным советом, в ко-

тором преобладали англичане. Возглавляли муниципалитет высокомерные, расистски настроенные британцы из числа высших государственных чиновников. Но они, разумеется, были джентльменами, людьми чести, воспитанными в британском духе «честной игры». Они старались управлять городом справедливо. Любой законопослушный человек в городе, китаец или иностранец, мог рассчитывать на защиту закона. Преступник же неизменно садился на скамью подсудимых.

По другую сторону широкой авеню Эдуарда VII располагалась французская концессия, управляемая из Ханоя генерал-губернатор французского Индокитая. Его наместником в Шанхае был генеральный консул.

И вот в этом необычном городе с его привилегиями внезапно появляются русские.

Эту драматическую историю описал известный американский синолог Джон Бенджамин Пауэлл в книге «Мои двадцать пять лет в Китае». В то время он был издателем журнала «Чайна уикли ревью».

Однажды утром Джона Пауэлла разбудили, чтобы сообщить поразительную новость: пиратская армада готовится напасть на Шанхай.

Загадочный флот лег в дрейф в устье реки Янцзы, вытаясь найти лоцманов, чтобы подняться по Янцзы и Хуанпу к Шанхаю.

Белые не могут быть нищими

Джон Пауэлл нанял лодку и поспешил к месту событий. Он быстро выяснил, что Шанхаю ничего не угрожает.

На кораблях были не пираты, а русские белогвардейцы, бежавшие от большевиков. Им пришлось покинуть российский Дальний Восток, после того как Америка и Япония прекратили поддерживать антиленинские силы во Владивостоке. Флот состоял из военных кораблей времен русско-японской войны и старых пассажирских и грузовых судов.

Британские власти были недовольны появлением русских. Они даже решили мобилизовать свой небольшой речной флот, чтобы остановить русских.

Англичане ничего не имели против белогвардейцев. В конце концов Николай II и Георг V были кузенами. Британское оружие поставлялось Добровольческой армии, и во время гражданской войны английские войска высадились в нескольких районах России, чтобы противостоять большевизму.

Но английские власти Шанхая боялись бедных русских.

Китайцы не должны были узнать,

что и белые бывают бедными. Если белый человек в Шанхае разорился, спивался или проигрывался в карты, власти немедленно покупали ему билет на пароход и отправляли из города, хотел он этого или нет.

Появление в городе тысяч белокожих русских без гроша в кармане могло бы навести китайцев на опасные размышления...

Но Джон Пауэлл предупредил власти, что у русских есть боевые корабли, и, если англичане попытаются помешать им высидаться, они могут применить силу. Власти сдались. Так началась история русской колонии в Шанхае.

Но, если русские были бедными, они вовсе не были ленивыми. Они сразу заняли промежуточное положение между богатыми европейцами и американцами и китайскими кули. Они брались за работу, которую никто не доверял китайцам. Занимались мелким бизнесом, открывали маленькие предприятия, нанимая китайских кули. Самым главным для русских было то, что они избежали ужасов и несчастий, обрушившихся на их родину.

Тут не было царя-самодержца. Роль казаков свелась к тому, чтобы петь на сцене казачьи песни. Не было и большевиков с их ЧК, ссылкой в Сибирь и столь любимыми Лениным массовыми расстрелами.

Змей-искуситель

Русские предпочитали селиться на территории французской концессии, и скоро на авеню Жоффр чаще звучала русская речь, чем французская.

У русских эмигрантов, оказавшихся в Шанхае, был очень высокий уровень образования. Они были духовно раскрепощенными людьми. Борьба за выживание была тяжелой. Но они вышли из нее победителями, и у них появилось свободное время. Русская культура в Шанхае расцвела.

Русские в Шанхае держались удивительно сплоченно, но вдруг в этот Эдемский сад проник змей-искуситель в лице нового советского генерального консула.

Советские дипломаты обосновались в массивном здании в районе, который позже стали называть «маленьким Токио». Коммунисты бросили сюда мощные дипломатические силы, чтобы завоевать сердца и умы нового поколения русских шанхайцев, сыновей и дочерей эмигрантов. И им удалось расколоть колонию на коммунистов и монархистов.

У советского консульства не было никакой юридической власти над русскими эмигрантами, но оно действовало умело: открывали школы и клубы, привлекая к себе молодежь. Советский клуб стал одним из самых модных мест в Шан-

хает, здесь проводились вечера и приемы.

Затем советское консульство начало программу «реабилитации». Дети первых эмигрантов могли получить советские паспорта и вернуться в Советский Союз.

К этому времени русские стали мощной интеллектуальной силой в Шанхае. Большинство журналистов были русскими, выучившими английский еще в детстве. Среди русских было также много прекрасных учителей и актеров.

Примером интеллектуального влияния второго поколения русских в Шанхае может служить редакция прокитайской и антияпонской газеты «Чайна пресс». Все ее лучшие авторы были русскими. После изгнания русских из Китая в 1949 году три сотрудника «Чайна пресс» стали знаменитыми на весь мир журналистами. Анатолий Остин стал московским корреспондентом информационного агентства Юнайтед пресс и написал книгу о Вьетнаме «Война, которую вел президент». Рой Эссон возглавил азиатскую службу Ассошиэтед пресс. А Джордж Леонов стал редактором «Джерузалем пост».

Эти преуспевающие русские не позволяли себя одурачить сталинским пропагандистам, а под их влиянием и значительное число русских остались антикоммунистами.

Коммунисты перепили нацистов

Русская колония умело использовала труд китайцев, хорошо ладила с английскими, французскими и американскими хозяевами города. Наиболее удачливые заводы собственное дело и покупали большие дома. Те, кому повезло меньше, шли в таксисты и нанимались привратниками. Существовали православные церкви, русские школы и театры. Русские рестораны на авеню Жоффр завоевали репутацию лучших в мире, здесь играли на скрипке цыгане или пели казачьи хоры. Жизнь в Шанхае была хорошей, и лишь немногие из второго поколения эмигрантов уехали в Советский Союз.

Но 7 июля 1937 года японская армия вторглась в Китай и захватила все побережье. Японцы не посмели занять территорию иностранных селlements, где жили и русские, но иностранцы оказались в блокаде.

Спасаясь от зверств японской армии, почти миллион китайских крестьян бежали в Шанхай и умирали там от голода и холода. К 1941 году Шанхай больше не был процветающим городом. Он прев-

ратился в ужасное место, где невозможно было жить белому человеку. Те русские, которые могли уехать, уезжали в другие страны.

Англичане и американцы в Шанхае были беззащитны перед японцами. А те русские, которые поддерживали отношения с советским консульством, почувствовали себя в безопасности — после заключения советско-германского пакта. Все больше и больше оставшихся в городе русских заявляли о своей приверженности коммунизму.

Накануне нового, 1941, года Шанхай стал опасным и неудобным местом для американцев и европейцев. Но даже в эти «последние дни Помпеи» белые жители устроили пышную встречу Нового года. В ту ночь на улицах города умерли от голода и холода около пятисот бездомных китайцев, но в ночных клубах и барах было выпито рекордное число спиртных напитков.

Самым значительным событием новогодней ночи стал грандиозный прием в советском клубе, где советский генеральный консул принимал генерального консула нацистской Германии и еще около сотни немцев.

Я был единственным американцем, получившим приглашение на советский прием. И то не по официальным каналам. Моя девушка Тамара была секретарем директора советского клуба, и она провела меня.

Весь вечер был сплошным объяснением в любви между нацистами и коммунистами. Советский консул повторял знаменитый тост Сталина: «Мы знаем, как немецкий народ любит своего фюрера». Нацисты провозглашали здравицы в честь Сталина.

Прием быстро превратился в типично русскую попойку. Около трех часов утра нацисты сдались. Они были в стельку пьяны и не держались на ногах. Русские и один-единственный американец подтаскивали их к машинам.

Этот пышный прием означал конец всему, чем был Шанхай в течение ста лет после опиумных войн. Меньше чем через полгода немцы и русские вступили в смертельную схватку. 7 декабря японцы полностью захватили Шанхай и бросили всех американцев и англичан за решетку.

В годы войны русская колония, насчитывавшая 70 тысяч человек, выжила потому, что работала на японцев. После разгрома Японии власть в Шанхае перешла к китайским националистам, и русские заплатили за сотрудничество с японцами. Начался рус-

В сегодняшнем Шанхае больше ничего не напоминает о русских, которые здесь жили четверть века

ский исход из Шанхая. Русские благородные дамы уезжали в Манилу и занимались там официантками. Многие перебрались в развивающиеся страны, чтобы еще раз начать жизнь сначала.

Приход в 1949 году к власти китайских коммунистов подвел черту под историей русской колонии в Шанхае.

Сегодня Шанхай — спокойный, ухоженный город, где на улицах можно встретить только сытых китайцев.

В Шанхае больше нет иностранного селlements и французской концессии. Это теперь чисто китайский город. Авеню Жоффр переименована. Знаменитые русские рестораны и ночные клубы давным-давно превращены в рабочие столовые. Сорок лет здесь не звучит цыганская музыка, а великие традиции русской культуры, искусства, кухни и загадочная русская душа — все это существует лишь в воспоминаниях о более не существующем городе.

Война чародеям

Ее объявила христианская церковь тысячу лет назад. И проиграла?..

История противостояния церкви и колдовства полна недоразумений. Неразбериха началась со спора о том, кто обучил человека странному искусству волхования. Колдуны, ведьмы, язычники и прочие недобросовестные граждане, склонные к обману и надувательству, говорят, что дано оно было благими богами для поощрения рода человеческого. Служители же монотеистических (исповедующих Единого Бога) религий утверждают, что это прискорбное событие произошло по злой воле демонов и бесов, собравшихся подвергнуть таким образом людей искушению и погубить всех от мала до велика.

Есть, однако, и монотеистическая (то есть в отличие от языческих не «бесовская») религия, считающая, что честь изобретения колдовства принадлежит непосредственно Богу. Религия эта — иудаизм.

Согласно мифу, каббала — мистическая интерпретация Торы, хранящая в себе тайные знания и используемая посвященными как руководство по практической магии, — некогда была наукой, ведомой лишь Богу и ангелам. После позорного высылки Адама и Евы из Эдема Бог, движимый жалостью, через ангела научил своих беспомощных чад, как вернуть Его Божью милость. Адам отнесся к этому с возмутительной небрежностью и напрочь забыл тайную науку. После этого Бог предпринял еще три отчаянные, но безуспешные попытки

через каббалу вернуть заблудших чад. Но люди с упорством, достойным лучшего применения, теряли тайны каббалы.

Выведенный из терпения Всеведущий плюнул на это безнадежное занятие и, не мудрствуя лукаво, ограничился десятью заповедями, поведав их Моисею на горе Синай. Каббалу же хитрый Моисей придержал для собственного употребления, и с тех пор ее передавали только избранным.

У язычников Индии, Египта, Африки, Дальнего Востока магия слилась с богослужением. Служители культа в этих частях света совмещали свои прямые обязанности с положением самых могучих и знающих магов.

С приходом христианства отношение к чудесам в западном мире несколько изменилось. Служители новой церкви с нарастающим раздражением наблюдали за тем, как язычники бесстыдно летали, без зазрения совести пользовались шапками-невидимками и без особого ущерба для здоровья проходили сквозь стены. Служители церкви Христа полагали, что подлинные чудеса может творить лишь человек, осененный Божьей

К слову, сам Иисус Христос не считал возмужными чудеса ради чудес. «Род лукавый и прелюбодейный ждет знамения!» — гневно заметил он хитрым евреям, желавшим удостовериться в его божественности через демонстрацию всяких паранормальных явлений.

С течением времени фокусы, не вошедшие в стандарты христианской церкви, стали объявляться ложью, надувательством и суеверием. Церковь также отказала в праве на существование ведьмам и колдунам. Их действия объявлялись не имевшими сверхъестественной силы. Эта дискриминация продолжалась вплоть до конца IX века, когда был наконец издан указ с полнейшим запрещением всяких колдовских церемоний. Тем самым официально было признано: ведьмы и ведьмаки существуют, но их повсеместно надо истреблять. Спустя сто с лишним лет появилась булла папы Георга IX, призывавшая к началу военных действий против чародеев. Та же булла живописно изображала дьявольские действия в секте катаров, неумеренно эксплуатировавших крупных жаб, черных котов и других мерзких животных вплоть до самого Сатаны.

Впрочем, легенды и письменные свидетельства повествуют об использовании магических обрядов в некоторых христианских орденах, например у отцов иезуитов (не говоря уже о тамплиерах, которых, впрочем, часто почитают дьявольским орденом). Разумеется, подобные церемонии святые

Рисунок
Марина
Тsvetkova

благодатью. Кто именно осенен такой благодатью, решалось в официальных религиозных инстанциях. Это, согласитесь, было не совсем справедливо.

отцы не делали достоянием простых членов ордена: все держалось в строжайшей тайне.

Между тем официальная христианская церковь всерьез взялась за колдунов и на протяжении столетий в борьбе с ними демонстрировала крепкие руки, сравнимую с действиями пикадора на корриде. Однако и она ничего не может поделать с появлением в последние годы неисчислимого количества экстрасенсов, парапсихологов, фей, магов, самых настоящих колдунов и ведьм. Многие из них, правда, умело осеняют себя крестом и через слово упоминают имя Божие, но что у них на уме?.. Восторженная публика отчаянно рукоплещет, а церковь скорбит уже не об отдельных заблудших овцах, а о целых заплутавшихся отарах.

Алексей Винокуров

DELOVIE LYUDI

THE MAGAZINE FOR BUSINESS LEADERS

DELOVIE LYUDI (Business in the ex-USSR)

provides valuable and unique information on the CIS market. This enables decision-makers and entrepreneurs to follow the transition to a market economy in the former USSR.

DELOVIE LYUDI also offers foreign business-people an exceptional medium for communicating details concerning their companies, products and services. DELOVIE LYUDI is available in two editions with identical contents: 120,000 copies in Russian and 40,000 copies in English for the international edition. Written by a Moscow editorial team, well-connected in top economic and social circles, DELOVIE LYUDI is independent, objective and thorough.

Subscription/Advertising:

SCII

4, rue Brunel,

75017-Paris-France

Tel.: (1) 43.80.90.00

Fax: (1) 42.67.75.48

Address

of the editorial office:

117342 Moscow,

Profsoyuznaya Ulitsa, 73

Tel.: (095) 333-33-40

Fax: (095) 330-15-68

Telex: 414741

PREMO SU

THE INDEPENDENT ECONOMIC MONTHLY

ЛОТТО МИЛЛИОН

Вы можете выиграть миллионы рублей!

ВПЕРВЫЕ!

Олимпийская
лотерея

Шаг навстречу вашей мечте

Хотите купить машину?
Собираетесь строить дачу?
Нет денег на отдых у моря?

**ИГРАЙТЕ В ЛОТТО
"МИЛЛИОН" - И ВАША
МЕЧТА МОЖЕТ
ОСУЩЕСТВИТЬСЯ!**

ЛОТТО "МИЛЛИОН" - новая электронная лотерея.
ИГРА ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО
Ваша цель - угадать **шесть** счастливых чисел из сорока девяти!

ИГРАЙТЕ И ВЫИГРЫВАЙТЕ!

Есть две системы игры:

ПРОСТАЯ СИСТЕМА

На каждом билете - 3 игровых поля с 49 числами. По простой системе игры вы отмечаете **шесть** произвольно выбранных чисел на одном, двух или на всех трех полях, заплатив 10 рублей за каждую комбинацию.

Хотите увеличить вероятность выигрыша?
Для этого существует

РАЗВЕРНУТАЯ СИСТЕМА

Вы отмечаете не шесть, а семь, восемь, десять или даже все сорок девять чисел на одном, двух или трех полях.
Это обойдется вам дороже, но и шансы на победу во много раз выше. Игра стоит свеч!

За дополнительной информацией вы можете обратиться к агентам ЛОТТО "МИЛЛИОН".

**БИЛЕТ ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ
БЕСПЛАТНО В БЛИЖАЙШЕМ
КИОСКЕ ЛОТТО "МИЛЛИОН"**

Там же оплачиваете ставку (количество возможных вариантов, умноженное на 10 рублей) - и ваш билет регистрирует компьютер. Осталось ждать тиржа.

ТИРАЖ ПРОВОДИТСЯ КАЖДЫЙ ЧЕТВЕРГ

В этот день вы увидите тираж в прямом эфире и узнаете, повезло ли вам.

Вы можете выиграть миллионы, даже - десятки миллионов рублей!

ВАША УДАЧА В ВАШИХ РУКАХ!

Билет ЛОТТО "МИЛЛИОН" имеет несколько степеней защиты. Подделать или подтасовать результаты тиража невозможно. Электронная система гарантирует достоверность результатов, быстрый и безошибочный подсчет выигрышей.

Лотерея проводится Российским Олимпийским комитетом

ЛОТТО МИЛЛИОН

Вы можете выиграть миллионы рублей!

ВПЕРВЫЕ!

Олимпийская
лотерея

